



ТАЛА ТОЦКА

Двойня для
айлдфри

Тала Тоцка

Двойня для чайлдфри

Серия «Шикарные Авериные», книга 3

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67800200
Чайлдфри: Avtorskie-txt; 2021*

Аннотация

У Кати Самойловой перспективная работа и стабильный доход, что очень важно для усыновления осиротевших полутораговых племянников-близнецов. Но в связи с политикой компании, которую внедряет новый владелец-чайлдфри, сразу же после усыновления она миглом окажется на улице, лишившись того самого стабильного дохода, в статусе матери-одиночки с двумя детьми на руках. А тут еще и очередные претенденты на малышей объявились.

Больше двух лет назад ее беременную сестру бросил мужчина-чайлдфри, утверждая, что у него нет «родительского гена». Определенно, эти невыносимые чайлдфри задались целью сжить Катерину со свету.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	65
Глава 7	78
Глава 8	91
Глава 9	100
Глава 10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Тала Тоцка Чайлдфри

Глава 1

«Что же за день сегодня такой гадский...»

– Скажите, что это шутка, Юрий Константинович, – Катя требовательно уставилась на своего непосредственного руководителя в тайной надежде, что тот сейчас вскочит, взмахнет рукой и воскликнет с победной улыбкой: «Розыгрыш! Розыгрыш! Вас только что разыграли!» Достанет из-под стола букет, торжественно ей вручит, а затем радостно выпроводит из кабинета.

Она даже хмыкнула, представив это отчетливо и наглядно.

Юрий Константинович Чистяков, несмотря на немолодой возраст, был довольно крепким и мощным мужчиной, обладающим сумасшедшей работоспособностью и неистребимым перфекционизмом в отношении подчиненных.

Благодаря природной харизме, громогласному голосу и богатому словарному запасу матерных выражений он был способен не только убедить и задать правильный рабочий импульс.

При приближении дедлайна Чистяков мог без труда вер-

нуть из любой точки земного шара сотрудника, находящегося в отпуске, разбудить подчиненного глубокой ночью и даже поднять мертвого, за что абсолютно заслуженно носил прозвище Король Ночи.

Прозвище Чистякову дал Антон из рекламного отдела, с его легкой руки помимо Короля Ночи в их компании трудились Дарт Вейдер, Дамблдор, Халк и Магистр Йода. Это только те, что были известны Кате.

Особенно ее забавляло, что Магистром Йодой именовался двухметровый охранник Григорий, который порывался всех обучить правилам рукопашного боя и на шестидесятишестисантиметрового зеленого джедая из «Звездных войн» походил разве что ушами.

Но прозвища удивительно приживались. Мало того, Катя подозревала, что она тоже удостоилась отдельной клички после того, как отказала Антону в его назойливом внимании. Но коллеги молчали как могильные плиты, а у Антона спрашивать было не комильфо.

– Чему ты смеешься, Катерина? – недовольно воззрился на нее непосредственный руководитель. – Мне плакать хочется, как подумаю, что устроят здесь эти младореформаторы!

– Но ведь это противозаконно, несправедливо и... – Катя запнулась, подбирая слова, – и очень недальновидно!

– А кто говорит о законности, когда дело касается доброй воли владельца бизнеса? Кто платит, тот заказывает музы-

ку, — невесело хмыкнул Чистяков, — разве ты не знала? Касательно остального, так в том-то все и дело, что они уверены в дальновидности такой политики. Наш новый владелец убежден, что КПД бездетных сотрудников на порядок выше тех, у кого есть дети, там целое исследование проводили.

— Я считаю, что наоборот, когда у человека семья, он больше ценит свое рабочее место и больше выкладывается, — возразила Катя. Чистяков с такой же грустной ухмылкой кивнул:

— Так и я так думаю. Вот только нас с тобой спросить забыли, Катерина. Зато мне дали задание составить перечень сотрудников с детьми по убывающей. В конце должны быть мужчины, догадайся, кто пойдет первым.

— Матери-одиночки, — вздохнула Катя, догадаться было нетрудно. — И что, вы уже составили «расстрельный» список?

— Составил, — столь же тяжело вздохнул Чистяков, — куда деваться? И я очень рад, что ты не в нем. Пока. Ты повременила бы, Катерина, куда торопиться? Ты же понимаешь, что потом возглавишь его, так сказать, дважды?

Катя все понимала, как не понимать. И в чем-то даже готова была согласиться с неизвестным ей новым владельцем, купившим их компанию. Но повременить не могла, никак.

Чистяков, видимо, прочел это по ее лицу и принялся уговаривать.

— Ну куда тебе спешить? И зачем тебе вообще их усынов-

лять? Оставайся опекуном, пусть государство все оплачивает, и работу не потеряешь. Я же тебя на начальника отдела тянул, Кать, повремени, а? Вылетишь со свистом в первых рядах, и я ничего не смогу сделать.

– Давайте подождем, – примирительно сказала Катя, сложив руки на столе, как первоклашка, – может, эти веяния улягутся, ну ведь бред же собачий, как статус работника влияет на его мозги? Гляди, со временем перебесятся там наверху.

– Не перебесятся, – покачал головой Чистяков. – Ты бы видела те диаграммы и графики, меня ими буквально завалили. Дети болеют, «детные» сотрудники немобильны, инертны, неамбициозны, безынициативны... А, – он безнадежно махнул рукой, – там все серьезно. Есть целое движение, не слышала, забыл, как называется, ну, люди, которые добровольно от детей отказываются...

– Чайлдфри, – слабым голосом подсказала Катя, чувствуя, как у нее холодеет в животе.

– Да, они, – обрадовался подсказке Чистяков. – Вот наш новый хозяин из этих самых чайлдфри.

«Значит, идейный. Снова. Они что, меня преследуют?»

Тем временем руководитель обеспокоенно вглядывался в Катино лицо.

– А ты чего вдруг так побледнела? Я тебе уже полчаса толкую, что все очень серьезно, а до тебя только дошло?

– Но Юрий Константинович, разве можно уволить чело-

века на основании того, что у него есть дети?

– Не придуривайся, Катя, конечно, с такой формулировкой никого увольнять не будут. А вот по соглашению сторон аж бегом.

Увольнение с формулировкой «по соглашению сторон» позволяло уволенному некоторое время получать пособие в размере заработной платы. Естественно, любой вменяемый работник предпочтет написать такое заявление, чем «по собственному желанию».

Беда в том, что Катя Самойлова не могла себе позволить увольнение ни с какой формулировкой. Она должна была цепляться руками и ногами, а если получится, и зубами, за свою должность. Ее зарплата была достаточной для того, чтобы оплачивать ипотеку и подтвердить наличие стабильного дохода и квадратных метров, необходимых для усыновления ее мальчиков.

Катя и думать не хотела, что у нее может не получиться, она давно уже считала их своими. Но теперь выходило, стоит ей усыновить малышей, она тут же потеряет тот самый стабильный доход, а с ним и квадратные метры.

У нее была очень хорошая зарплата. Попробуй потом найди что-то равноценное с двумя полуторагодовальными детьми в статусе матери-одиночки. Она вздрогнула.

Чистяков продолжал сверлить Катерину глазами, а ей и сказать было нечего.

– Юрий Константинович, вы же знаете, они у меня бес-

проблемные. У меня хорошая няня, я мобильна, неинертна и очень-очень амбициозна.

– Да знаю я, – беспомощно махнул рукой Чистяков, – главное, чтобы другие о твоей мелкоте не знали, меньше рассказывай, Катюш.

Она чуть не расплакалась от затопившей признательности, но на землю быстро вернул голос секретаря Марины, заглядывающей в приоткрытую дверь:

– К вам Аверин. Ему назначено, – как бы извиняясь, сообщила Марина.

– Твою ж... Забыл совсем, – потер переносицу Чистяков. – Зови давай этого Аверина, – и, понизив голос, быстро проговорил: – В отдел к тебе сотрудница прислали, Катюш, вчера кадровики звонили. Вроде как специалист великий, а там кто знает, возможно, новое руководство своих людей засылает территорию застолбить.

Дверь открылась, и Чистяков, широко улыбаясь, поднялся из-за стола.

– Здравствуйте, Клим Маркович, рад вас видеть, – Чистяков двинулся навстречу вошедшему. Катя следом принялась выбираться из-за стола. – Я Юрий Константинович, а это Екатерина Дмитриевна, она введет вас в курс дела. На время испытательного срока вы подчиняетесь непосредственно ей.

Катя подняла голову с заготовленной приветливой улыбкой, которая мигом сползла с лица. Немедленно захотелось спрятаться за широкой спиной Чистякова, а лучше юркнуть

под стол и там отсидеться. Вдруг повезет, и Клим Маркович рассеется, как призрак в рассветной дымке.

К сожалению, рассеиваться никто не собирался, и Катя, призвав на помощь все самообладание, заставила себя поднять взгляд на своего временного подчиненного.

На нее оценивающе смотрели черные как ночь глаза из-под таких же черных взлет бровей. Легкая небритость, темные волосы аккуратно уложены набок – Клим Маркович был безупречен. Тонкий джемпер и черные джинсы, типичный менеджер среднего звена.

Вот только менеджеру среднего звена ни к чему такая дьявольская красота, а Аверин был до неприличия невозможно красив.

Катя мучительно покраснела, вспомнив, как запускала пальцы в эти темные волосы, тогда влажные и взъерошенные. Смуглый лоб, покрытый капельками пота, вынырнул из памяти так явственно, что она вздрогнула и спрятала руки за спину, почувствовав непреодолимое желание прикоснуться к небритой щеке.

«А вдруг он меня не узнает? Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы он меня не узнал! Да у него тех баб наверняка сотни, ну что ему стоит, подумаешь, мы и свет почти не включали...»

Красиво очерченные губы дернулись, уголок криво пополз вверх.

– Очень приятно, Екатерина Дмитриевна. Надеюсь, я вас

не разочарую, – низкий мужской голос с приятным тембром лился как музыка, но она не обманулась и явно различила язвительные нотки.

«Узнал. Да что ж сегодня за день такой гадский, а?»

* * *

Кате худо-бедно удавалось сохранять дистанцию. Как раз подтянулись остальные сотрудники на оперативку, где официально был представлен Клим Маркович.

Аверин лучился обаянием, а Катя не уставала изумляться, как у него получалось так открыто улыбаться остальным. Но лишь только в прицел черных глаз попадала она сама, лучезарная улыбка неувовимо приобретала саркастический оттенок.

После оперативки народ потянулся на выход. Катя еще лелеяла призрачную надежду вернуться в отдел порознь, но и та растаяла без следа, стоило шагнуть за порог кабинета Короля Ночи.

Она старалась идти быстро, все время сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, но быстрые шаги за спиной не оставляли никакого шанса.

– Что, не получается сбежать? Юбка узкая? Могу помочь увеличить разрез, – послышался насмешливый шепот у самого уха, и Катю бросило в жар при одном воспоминании, что он тогда сделал с ее платьем, которое тоже оказалось

слишком узким...

Отвечать не собиралась. Подняла подбородок вверх и устремилась в лифт, но цепкие руки ухватили ее за локти и оттащили в сторону, пропуская остальных.

Катя опомнилась в последний момент, чтобы не начать отбиваться от новоявленного коллеги на глазах у всего трудового коллектива. Коллектив у них, конечно, дружный и сплоченный, но развлекать народ с утра это было слишком. Интуиция подсказывала, что она успеет это сделать, причем неоднократно и в самое ближайшее время.

Подошел соседний лифт. Катя нацелилась туда, но, увидев, что он пустой, развернулась, намереваясь проскочить мимо Аверина. И сразу уткнулась в мускулистую грудь, которая мигом ожила в памяти во всей своей рельефной и загорелой красе. Она и не подозревала, что запомнились такие подробности, просто безобразие какое-то...

Что он вообще забыл у них в офисе? Ему бы на рекламных постерах сниматься на фоне океанских волн с доской для серфинга в обнимку, сияя белозубой улыбкой на загорелом лице. В одних плавках, а можно и без, такую фигуру прятать от людей просто грешно, она-то помнит... Можно даже на календарь, Катя первая купила бы и на стену повесила.

– Значит, Екатерина Дмитриевна? – раздалось язвительное где-то в районе виска.

Она вынырнула из своих мечтаний и обнаружила себя прижатой к стенке лифта. Запястья были надежно зафиксиро-

рованы в тисках крепких рук и тоже припечатаны к стенке.

– Отпустите, – она конвульсивно задержалась, с ужасом представляя, что будет, если сейчас откроется дверь и ее увидят в таком виде. Аверину, судя по всему, было наплевать.

– Отпущу, только если мы сию секунду идем пить кофе, и ты рассказываешь, куда и зачем тогда сбежала. Я тебя полгода найти не мог, – и добавил, процедив сквозь зубы: – Алиса!

– Ты меня искал? Зачем! У тебя что-то пропало? – испуганно спросила Катя. Аверин смерил ее странным взглядом сверху вниз:

– Дурочкой прикидываешься, да? Просто искал. Увидеть хотел. А она, оказывается, Екатерина Дмитриевна!

– Не сейчас, сейчас рабочее время, у нас работы много, – завертела Катерина головой, а потом умоляюще посмотрела в черные глаза, – отпусти, Клим, пожалуйста!

И сдалась:

– В обед можно кофе выпить, здесь кофейня недалеко.

– Только попробуй сбежать, – Аверин снова бросил на нее свой странный взгляд свысока, разжал тиски, и Катя отскочила к противоположной стенке. Очень вовремя, надо сказать.

Дверь лифта отъехала в сторону, и внутрь ступил айтишник Виталик. Тот самый Халк – ростом на полголовы ниже Кати, рыжий и шуплый.

Каждый раз при встрече с ним Кате приходилось прятать улыбку, вспоминая намертво прилипшее прозвище, но сей-

час она даже мысленно не улыбнулась. Кивнула и выскочила в холл, вслед за ней шаг в шаг шел Аверин.

Уже сидя за столом, поняла, что так удивило в его взгляде – несмотря на кривящиеся в ухмылке губы, его глаза оставались серьезными. И, если бы взглядом можно было утопить, Катя Самойлова уже лежала бы на дне этих черных глаз-озер, спутанная по рукам и ногам и совершенно не имеющая сил всплывать на поверхность.

* * *

Кто-то там наверху сжалился над Катей, и в обед праздновали день рождения Ирки из финансового отдела.

Именинница организовала чаепитие с тортом и пирожными, потому на некоторое время получилось избавиться от Аверина. С головой хватило его бесконечного присутствия рядом за столом, пока Катя проводила вводный инструктаж, объясняя структуру их подразделения и компании в целом.

А тот как будто задался целью сбить ее с рабочего ритма и сделать все, чтобы она вообще перестала соображать. Переспрашивал, заглядывая в глаза, наклонялся к ней так, что чуть ли не упирался носом в декольте, пока она вообще к нему монитор не развернула. Свой ноутбук он даже не открыл.

Катерина, в свою очередь, усиленно боролась с собой, вдыхая сногшибательный аромат очень мужского парфюма,

что уж слишком будоражаще раскрывался на смуглой коже, и не знала, чего ей хочется больше. Бежать без оглядки, пока эта чертова химия вновь не сотворила с ней какую-нибудь пакость, или забить на все и попробовать на вкус его шею, чтобы вспомнить, какая теплая и терпкая у него кожа...

Определенно, у коллектива есть все шансы в самый короткий срок стать свидетелями незабываемых и пикантных сцен, если только Аверин не прекратит распространять по офису свои тестостероновые флюиды.

Одно утешало: не может ведь такого быть, что только Катя их чувствует. Вдруг ей повезет, и кто-то окажется менее стойким?

– Обед, – постучали рядом по столу, и она распахнула глаза.

Аверин смотрел уже не насмешливо, а, можно сказать, с некоторым сочувствием.

Катя встала, как под гипнозом, лихорадочно обдумывая, какую из версий своего бегства преподать, чтобы не выглядеть полной дурой. Ни одна из них никуда не годилась, кроме разве что настоящей.

Но как сказать правду, глядя в пронизывающие насквозь черные как ночь глаза, она вообще не представляла.

Глава 2

Шесть месяцев назад

Катя проснулась и обнаружила вместо Климата лишь смятую простыню, хотя хорошо помнила, как засыпала почти под ним, переплетаясь руками и ногами и уткнувшись ему под правую ключицу. Ей нравилось вдыхать его запах, который слегка смешался с ее собственным запахом, и это было так волнующе, что даже уснуть поначалу не получалось.

Захотелось пить, она еще немного покрутилась в постели, а потом встала, завернулась в простыню и отправилась на поиски кухни, столовой или Климата. Уже приготовилась проплутать в этом лабиринте полжизни, но повезло, послышался знакомый голос, и Катерина ускорила шаг.

Честное слово, она вовсе не собиралась подслушивать, Клим просто слишком громко говорил, развалившись на диване в гостиной, и Катя, догадавшись, что речь идет о ней, замерла под стенкой у порога.

– Нет, сорян, Артем, не приеду, я такую девочку снял, просто улет... Спит пока, отсыпается, сил набирается... В «Саламандре» снял, где ж еще? Так что дня на три я точно выпадаю, если раньше не надоест... Да, давай, я позвоню...

Катя подхватила простынь, отступила на цыпочках, некоторое время пятилась по инерции, а потом развернулась и бегом бросилась обратно. Хорошо, что спальня Клим с его кроватью, своими габаритами напоминающей взлетную полосу, находилась недалеко от гостиной, иначе она точно бы заблудилась. Ей почудились шаги, или это уже глюки?

Мозг без устали пульсировал услышанным «девочку снял», значит, все остальное было обычной постановкой. Клим ее обманул, и от этого становилось противно и горько, даже дыхание сбивалось. И самое обидное, так оно и было.

Она сбежала с ним из клуба, но потом вполне могла вызвать такси и уехать, насильно никто никого не удерживал. Но то, что начало тогда твориться – да какая там химия, магия самая настоящая! – и сейчас заставляло сердце колотиться как сумасшедшее и покалывало в позвоночнике и затылке.

Катя бросилась на кровать и только успела зажмуриться, как следом вошел Клим. Улегся рядом, а потом склонился над ней, проводя пальцами по щеке и убирая мешающие пряди.

Она всячески изображала спящую, молясь только, чтобы не разреветься, и стараясь не вздрагивать, когда его губы поползли с шеи вниз дальше по позвонкам.

– Алиска, ты спишь? – его шепот звучал где-то внутри.

Если бы она не подслушала тот разговор с неизвестным Артемом, то сейчас повернулась бы, подставляясь под по-

целуи, предвкушая, как вмиг изменится градус накала, и из нежных и невесомых они станут требовательными и горячими.

Хорошо, что подслушала. И хорошо, что назвалась чужим именем, впрочем, не факт, что его зовут Клим. Он вполне мог назваться да хоть Сигизмундом, теперь Катя точно не собиралась проверять.

Что ж, лишнее подтверждение тому, что секс, пусть даже такой сносящий крышу, как случился у них этой ночью, вовсе не повод для настоящего знакомства. И даже если он случился несколько раз подряд.

Вопреки опасениям, Клим не стал ее будить. Еще несколько раз поцеловал и придвинулся ближе, обнимая со спины.

«Пускай отсыпается, набирается сил? Повезло-то как, мамочки мои, и внимательный, и заботливый, просто мечта идиота!»

Точнее, идиотки. Ее.

Катя долго прислушивалась к неровному дыханию за спиной, ругая себя последними словами. Словно пелена спала. Разве для нее было новостью, как мужчины относятся к легкодоступным девушкам? Ни разу не новостью.

Отчего же так ощутимо, прямо физически больно от его незамысловатого «девочку снял»? Спасибо, кстати, что ограничился «девочкой» и не стал применять более пространные выражения.

Да потому что ей понравился этот мужчина. Ее потянуло к

нему, она никогда еще настолько не теряла голову. А то, что им пришлось прятаться и бежать из клуба, лишь послужило катализатором необъяснимой силы, толкнувшей их друг к другу, стоило только переступить порог дома.

И разве это дом? Замок самый настоящий, только теперь он больше казался Кате крепостью.

Дождалась, пока дыхание за спиной замедлится и выровняется, а потом начала отползать. Сантиметр за сантиметром, чтобы только бесшумно, чтобы только не разбудить.

Теперь найти бы выход. Она точно помнила, что на второй этаж Клим нес ее на руках, значит, где-то здесь должна быть лестница.

«Замок» на удивление оказался спроектирован достаточно разумно, по крайней мере, холл она искала сравнительно недолго. И покраснела до корней волос, увидев свою разбросанную одежду. То, что одежда Клима валялась здесь же, служило довольно слабым утешением.

Катя оделась и с отчаянием уставилась на себя в зеркало. На улицу в таком виде нечего и соваться, платье, ранее плотно облежавшее бедра, теперь болталось как на вешалке, поскольку разрез доходил до самой талии.

Он просто наклонился, взял за края и рванул в стороны, ткань поддалась. Затрещали нитки, и она смогла без труда запрыгнуть на байк, крепко обхватив Клима за талию и млея от ощущения каменных мышц пресса под руками. Теперь даже выйти из дома не в чем...

Внезапно Катя вспомнила о купленном в офис степлере, который так и лежал в сумке. Не стала снимать платье, вынырнула из бретелей, провернула на себе и принялась скреплять разорванные края.

Торопливо оглядывалась на лестницу, одновременно и опасаясь, и желая, чтобы Клим нашел ее и остановил. А потом обнаружила, что не имеет ни малейшего представления, куда делись ее туфли. Жакет был, сумка лежала рядом, и даже телефон не разрядился, а туфли как сквозь землю провалились.

Махнула рукой и направилась к двери босиком, но тут же поняла, что ошиблась дверью и попала в хозяйственный блок. Вчера они с Климом шли через гараж. Ну как шли, впились губами друг в друга, как одержимые, и наугад ногами перебирали...

На глаза попала сушилка с мужскими вещами. Без зазрения совести Катя стянула пару носков – на ее взгляд, они выглядели истинной парой – и натянула на ноги.

Ей только добежать до такси, она его уже вызвала. Благо, нынешние технологии позволяют найти пассажира по геолокации, потому что сама Катя и близко не представляла, где находится. Машина уже должна быть за воротами.

Катя вернулась в холл и через минуту уже бежала по двору к воротам. Хоть этот сентябрь выдался по-летнему теплым, земля быстро остывала. Да и в носках по плитке, которой была вымощена дорожка, бежать было не слишком приятно.

Катя опасалась, что на калитке окажется какой-то мудреный замок, но ей повезло, выйти удалось без труда, а у ворот ее уже ждало такси.

Водитель и внимания не обратил на ее ноги, зря она переживала. А вот дома Катерину впрямь чуть удар не хватил, когда она рассмотрела на носках марку – Balenciaga! – а потом порылась в интернете и нашла их стоимость.

Сто десять евро! Носки! Да она туфли вдвое дешевле купила на распродаже, красивые, кожаные, как же жалко теперь...

С платьем все оказалось не так плохо, вот что значит брендовая вещь! Ткань разошлась по шву, в соседнем ателье все аккуратно застрочили, и после химчистки платье выглядело как новенькое.

Илона готова была его подарить, лишь бы Катя рассказала в подробностях, как и с кем она исчезла из «Саламандры», после прислав сумбурное и короткое сообщение, что с ней все в порядке. Но ей никому не хотелось ничего рассказывать.

Потому что сразу вспоминалось, как она сбивчиво тыкала в экран, набирая сообщение, а в это время Клим обвивал ее со спины. Его руки скользили по телу, забираясь под платье, и от тоски хотелось сесть и завывать. Даже луна была не нужна, ей был нужен Клим.

Начали проскальзывать провокационные мысли, не навещать ли к нему в дом под смехотворным предлогом вер-

нуть дорожные носки – постиранные и спрятанные в самый дальний угол платяного шкафа.

Она то благодарила небеса, что не поддавалась соблазну остаться, то до слез жалела, что сбежала. Ну слышала и слышала, мало ли что он говорил невидимому Артему. Может, просто бравировал?

Зато можно было провести вместе три дня, целых три дня! И внутри то ухало, то замирало, когда она представляла себе эти три дня.

Она совсем измучилась. Еще немного, и точно бы решилась, адрес дома Катя тогда же отскринила со странички онлайн-заказа службы такси. Но не прошло и месяца, как погибли Алла с Ильей, а жизнь для Кати раскололась на две части – до и после аварии.

Клим остался в «до». Она приняла это как данность и не вспоминала о нем, пока он так нагло не вломился в ее «после». И теперь Катерина не имела ни малейшего понятия, что ей делать. И что ему солгать.

* * *

В кухонной зоне уже собрался весь отдел. Кате всунули в руки тарелку с десертом и кофе, при этом бухгалтер Лена ловко оттеснила ее задом от Аверина. А Катя боялась, что он начнет к ней клеиться, вот дурочка!

Вокруг Климася создавалась настоящая давка из незамужних

сотрудниц, да и замужние поглядывали с поволокой в глазах. Все норовили поухаживать за новеньким, так что можно было перевести дух и отдохнуть от навязанного сослуживца.

Катя забилась в угол, механически глотала кусочки пи-рожного, совсем не чувствуя вкуса, и с интересом наблюдала разворачивающуюся перед ней панораму назревающей бит-вы за внимание вновь прибывшего красавчика.

Настроение, конечно, упало ниже плинтуса, особенно при виде того, как Аверин расточает комплименты и скалится всем без разбора. Да уж, Клим Маркович ни на секунду не сомневался в своем очаровании и способности гипнотиче-ского воздействия на женщин. Вон Ленка уже разве что на колени к нему не взобралась, а он так сияет, как будто это не тощая Ленка, а красавица неземная.

Ну и пусть. Катя выстояла положенное для соблюдения приличий время и незаметно протиснулась к выходу. Ес-ли бы могла, зажала бы уши, чтобы не слышать воркование окруживших Аверина девиц, временами переходящее в бле-яние:

«Какое интересное у вас имя, Клим! А полное Климен-тий? Ах, не меняется... Так сексуально!.. Клим, вы не про-тив перейти на „ты“, у нас такой дружный коллектив, прям как семья!.. Это твой байк там на стоянке? О! Я всю жизнь мечтала прокатиться. Клим!..»

Он отвечал с ослепительной улыбкой, и Катя поспешила оставить кухонную зону, надеясь избавиться от гаденького

чувства, угнездившегося внутри с левой стороны.

Да что это с ней! До сегодняшнего дня ее вовсе не раздражали словоохотливые коллеги, а здесь будто прорвало.

«Это они еще не видели, какой у него большой... дом!»

Ну, конечно же, дом, а о чем она могла еще подумать? Вот только почему-то даже мочки ушей запылали...

К слову, дом у Аверина в самом деле роскошный и огромный. Тут же пришла здравая, хоть и несколько запоздалая мысль: к чему обладателю шикарного жилья и носков, стоимостью как приличные сапоги, должность аналитика в пусть даже таком престижном отделе, как их отдел перспективного развития?

Ее отдел.

Екатерина Самойлова, несмотря на свои двадцать два, числилась ИО руководителя. И, как сегодня прямым текстом озвучил Чистяков, имела все шансы заполучить отдел на постоянной основе.

Она попала в компанию случайно. Проходила практику на третьем курсе университета и так сумела себя зарекомендовать, что Чистяков лично предложил остаться. А ей здесь очень понравилось!

«Перспективный» отдел отслеживал и мониторил все новейшие тенденции и технологии, выныривающие на рынке с завидной периодичностью, анализировал эффективность готовых проектов и двигал идеи для ее повышения.

Катя выдала парочку толковых идей. Чистяков впал в сту-

пор, объявил ее вундеркиндом и молодым талантом и сразу же сделал предложение. Должности и оклада. Катя приняла его, не задумываясь, перевелась на заочное отделение и ни разу не пожалела.

– Тебе не понравился торт?

Она даже вздрогнула от неожиданности и обернулась, рядом невозмутимо вышагивал невыносимый Аверин. Катя приостановилась, а потом резко выдала, добавив яда в голову:

– Что ж вы сбежали так быстро, Клим Маркович? Всех дыхательниц бросили!

– Ревнуешь? – самодовольно ухмыльнулся Аверин.

– Вот еще! Нет, конечно.

– Если нет, тогда перестань губу закусывать. Прокусишь, – это уже звучало как открытая издевка.

– Да смешно смотреть на эти брачные пляски, – и себе не удержалась Катя от колкостей. – Здесь, вообще-то, строительный холдинг, а не бордель.

– Надо же, какая непруха! – вполне искренне расстроился Клим и сокрушенно развел руками. – А я как раз туда шел, наверное, дверью ошибся.

Катя не выдержала и рассмеялась. Клим тоже улыбался, и атмосфера сразу стала чуть менее напряженной.

– Нечего было памятник изображать, я выкладывался как мог, а она и бровью не пошевелила. Я уж было решил, что мне придется кого-то из сослуживиц раскатать прямо там,

чтобы ты на меня внимание обратила.

Катя всем телом развернулась к Аверину.

– Внимание? Я? Зачем?

– Нравишься ты мне.

– Мимо, Аверин, это больше не сработает.

– Я все же попытаюсь.

– Лучше попытайся с кем-то из того роя, что липли сегодня к тебе как пчелы к меду.

– Мне так скучно. Они слишком предсказуемы.

– Но это не помешало тебе вести себя с ними, как султан среди любимых жен.

– Неправда, я даже не успел похвастаться, какой у меня большой...

– Дом, – поспешно договорила за него Катя.

– Нет, не угадала, – удивленно взглянул Аверин. – При чем здесь вообще дом? Внутренний мир, конечно же. Какая же ты недогадливая, Екатерина Дмитриевна! И что там в твоей голове творится?

Катя снова вспыхнула, потому что в голове образы складывались довольно определенные. К сожалению, Аверин явно распознал, какие именно.

– Продолжим, у меня, кроме тебя, своей работы полно, – усаживаясь, попыталась пресечь опасный разговор Катерина и покрылась мурашками от того, как низко прозвучал его голос:

– Я рад, что ты меня ревнуешь. Значит, я не безнадежен.

Она попыталась хмыкнуть и повести плечами, но ситуацию это вовсе не спасло. Ей по-прежнему было жутко неуютно под пристальным взглядом черных глаз. И вряд ли получится избежать неприятного разговора, она всего лишь получила отсрочку до вечера.

Глава 3

Шесть месяцев назад

Катерина аккуратно промокнула уголок губ салфеткой. Все. Можно возвращаться на танцпол. Зря она так упиралась, этот клуб ничем не отличался от других, более демократичных, разве что ценники в баре на порядок-два выше.

Илонка объявила подругам, что день рождения отмечает в «Саламандре», и Катя поначалу идти отказывалась категорически.

– Илонка, это же самый крутой клуб, там такая публика навороченная, ну чем тебе «Лабиринт» не угодил?

– Расслабьтесь, девочки, обычная тусня, только пафоса больше, – не соглашалась именинница. – Выпьем, потанцуем, далась вам эта публика!

– Мне туда идти не в чем, – предприняла последнюю попытку Катя, но тут же сдалась под напором настойчивой подруги:

– Я тебе платье дам, оно мне в груди тесновато, я так и не носила, тебе будет в самый раз. Ну Кать, ну пойдем, ну что поделать, раз у тебя подружка мажорка!

И как тут откажешь? Настя в прениях участия не прини-

мала, к ночным клубам и танцам она относилась философски и воспринимала их как данность. В любое подобное заведение Настюха заявлялась в драных джинсах и черной облегающей майке и искренне недоумевала, к чему столько шуму из-за какого-то шмотья.

Платье и правда оказалось бомбическим. Оно прекрасно оттенялось Катиным шикарным морским загаром и неимоверно шло к ее карим глазам.

Нюдового оттенка, шелковое, на бретелях, платье облегло фигуру и так нежно обволакивало кожу, что Катерина сразу в него влюбилась. Даже специально под него купила на распродаже туфли – естественно, на высоченном каблуке.

Высоко поднятые и уложенные волосы, помада глубокого алого оттенка – и за Катей в «Саламандре» началась настоящая охота. Но надо отдать должное заведению, наглеть никто не наглел. То ли внушительные силуэты охранников способствовали порядку, то ли статусность посетителей – мало ли, кто здесь и с кем. Так что Катя расслабилась и натанцевалась от души.

Прибежала в туалет подправить прическу и подкрасить губы. Уже готова была вернуться в зал, как тут дверь распахнулась.

Внутри ворвался молодой человек, быстро осмотрелся и, схватив Катю в охапку, затолкал в ближайшую кабинку. Закрыл задвижку, привалился к двери и только потом заглянул ей в лицо. И выдохнул в изумлении, смешанном с восхище-

нием:

– Ух ты, какая девочка! – но больше ничего сказать не успел. Снаружи послышался шум, в туалет ввалились несколько человек, по-видимому, охранники.

– Где он? Он сюда забежал? – прогремел недовольный голос с явной одышкой.

– А пес его знает. Слышь, ты, ты здесь? Лучше сам выходи, тебе и так, и так...

Катя как-то отвлеченно, как будто со стороны, отметила, что обнимавший ее молодой человек хоть тоже после бега, дышал ровно, а не сипел и не хрипел, как старый отработанный мотор.

– Помоги мне, – раздалось у нее, нет, не в ухе, где-то внутри, – помоги, а то мне правда...

Катя смотрела в его черные как угли глаза будто замороженная. Они и горели сейчас как угли. Она не знала, что нужно делать, но он сам привалился всем телом, прижал ее к двери и глухо толкнул дверь локтем. Потом коленом, потом снова локтем.

Движения и толчки были ритмичными, и Катя не сразу поняла. А когда сообразила, у нее, наверное, даже ногти покраснели. И волосы.

– Ну же, не молчи, – снова зазвучало где-то внутри, – подыграй мне, давай! Такая красивая девочка...

От его шепота не то, что мурашки, целые муравейники побежали по всему телу. Ноги вдруг подогнулись, и Катя схва-

тилась за смуглую шею, обрамленную черным вырезом футболки.

От его тела исходили невидимые волны, вырывающие ее из реальности и делающие ее собственное тело легким и невесомым.

– Слушай, там, кажется, кто-то трахается, – прислушался один из преследователей. – Совсем оборзели эти малолетки! Обдолбятся, а потом как собаки, в каждом углу...

Он подошел к кабинке и стукнул по двери снаружи. Катя так испугалась, что вцепилась в затылок прижимавшегося к ней мужчины, закрыла глаза и застонала.

Ошалели все. И охранники, и она сама. Даже незнакомец ослабил объятия и уставился на нее, пораженный – наверное, чересчур натурально получилось. Катя сама толкнулась спиной в дверь.

«Ну же, что ты застыл, как чурбан!»

Он мгновенно очнулся и снова начал двигать локтем и коленом, при этом глядя Кате в глаза своими черными горящими угольями. Придвинулся совсем близко, почти касаясь ее губами и тоже издавая хриплые звуки, которые казались ужасающе натуральными.

Происходящее между ними выглядело настолько правдоподобным, что Кате вдруг пришло в голову: а ведь она впервые в жизни занимается любовью... взглядами. С мужчиной, которого видит тоже впервые в жизни.

– Не лезь к ним, Серый, – заговорил второй охранник,

и Серый отпустил ручку двери. — Кто знает, чья там доця или сынок? Будет нам потом, как Пашке. Помнишь, он дочку прокурора с наркотой спалил, а его на следующий же день выперли? Пошли они... Никуда тот штырк не денется, найдем. Выход перекрыт, там Леха с пацанами.

Лишь только хлопнула входная дверь, Катя попыталась вырваться, но ее и не думали отпускать. Черноглазый незнакомец наклонился к самому уху и не прошептал, а продышал:

— Тебя как зовут?

— А тебя? — она постаралась устоять и не сползти ему под ноги, когда ее шеи коснулась шершавая ладонь.

— Клим.

«Ага! Клим! Так я и поверила! За дуру меня держишь?»

— Алиса, — назвала первое, что пришло в голову, отстраненно удивившись, что там еще пробегают какие-то мысли.

— Тогда валим, Алиска! — Клим, или не Клим, как знать, так ли его зовут на самом деле, крепко схватил ее за руку и потянул в сторону окна.

* * *

Прыгать было высоко, но Клим поймал ее внизу и даже умудрился пробежаться ладонями по телу.

— Теперь туда, там мой байк, — скомандовал он, и Катя беспрекословно подчинилась.

Где-то на отшибе несмелая мысль нашептывала, что охотятся за одним Климом, а Кате никуда бежать не обязательно. И, если она сейчас не остановится, то с меньшей вероятностью переломает себе каблуки, а с большей – ноги.

Но цепко вцепившаяся в нее рука не отпускала. Катя прогнала последнюю на сегодняшний вечер здравую мысль и последовала вслед за Климом.

Большой байк сверкал хромированными боками, отражая свет ночных фонарей. Клим подтащил к нему Катю, на ходу нахлобучивая шлем, и она остановилась, беспомощно оглядываясь. Платье слишком узкое, она не сможет даже до середины колеса ногу поднять.

Со стороны клуба уже бежали люди, грузились в машины. Что-то бабахнуло несколько раз, и Катя поначалу даже не поняла, что это выстрелы. Не успела опомниться, как Клим склонился, рванул края разреза платья, и шов разошелся до самой талии.

Он запрыгивал на байк уже на ходу, Катя обхватила его руками, прижавшись к спине. Внезапно ее пронзило насквозь, будто прикоснулся оголенный высоковольтный провод – это Клим успел поймать ладонь и поцеловать. Нашел время!

Байк сорвался с места и принялся нырять по таким закоулкам и улочкам, о которых Катя и не подозревала.

Плутали долго, зато, когда мотоцикл, наконец, выскочил на трассу, погони нигде видно не было. Значит, оторвались.

Она прижалась щекой к шершавой джинсовой ткани его куртки и поудобнее обхватила широкий торс, переместившись вверх по грудной клетке.

Неожиданно на ее скрещенные руки легла широкая ладонь. Катя испуганно вскинулась – он что, руль отпустил? Но ладонь успокаивающе погладила ее руку, она притихла и снова уткнулась в широкую спину.

Они неслись по трассе. Клим вел байк одной рукой, а второй прижимал ее руки к груди, и Кате казалось, что это время и пространство спрессовалось в широкую ленту ночного шоссе.

Все ощущения были обострены до предела. Хотелось только одного – лететь так бесконечно долго, не останавливаясь. Было чувство, будто они слились в одно целое – Клим, она и байк. И Катя голову давала на отсечение, что этот странный мужчина, к чьей спине она так доверчиво прижималась, чувствует то же самое.

Они еще только подъезжали к шлагбауму, а Катерина сразу узнала самый козырный загородный поселок. Там жили не просто небедные люди, а практически небожители.

Клим промчался вглубь поселка, не сбавляя скорости, и притормозил только перед домом. В темноте он показался Кате просто огромным. Ворота съехали в сторону, и они с разгона влетели в подземный гараж.

Катя чувствовала себя неловко, стягивая сзади рукой платье. Старательно скрывая смущение, она спросила Клим:

– Тебя что, убить хотели?

– Убить вряд ли, – покачал тот головой, снимая шлем, и она лишь ахнула про себя, увидев, как возбужденно блестят черные глаза под такими же черными взлет бровями. – А вот подстрелить вполне. Так что ты меня сегодня спасла как минимум от больничной койки.

– Но почему они за тобой гнались?

Вместо ответа Клим достал из внутреннего кармана куртки пакетик с белым порошком, и Катя попятилась.

– Ты продаешь наркотики?

Клим прицелился и щелчком отправил пакетик в корзину для мусора.

– Нет, конечно, это мука, – а потом, видимо, прочитав что-то в ее лице, подошел и подцепил пальцами ладонь. – Алиска, не бойся, все хорошо. Хозяин клуба – мой друг, он попросил выяснить, торгуют ли в его клубе наркотой. Вот и пришлось изображать наркодилера.

– Но почему ты убегал? Раз охранники хотели тебя сдать в полицию, так и признался бы, кто ты. Другу бы позвонил, ведь они отлично справились.

– Они не поэтому хотели поймать меня, Алиса, – Клим придвинулся ближе, его дыхание было слишком опаляющим. И она сама не заметила, как задышала с ним в такт. – Место давно занято, я зашел на чужую территорию. Охрана в доле, крышует продажу наркоты в клубе, так что целым я бы сегодня оттуда не ушел. Ты – моя спасительница!

Они уже оба дышали как марафонцы. Первым не выдержал Клим – обхватил ладонями ее лицо и впился поцелуем, вышибающим почву из-под ног, а разум из головы подчистую.

Катя только успевала отвечать. Она забила на свое разорванное до талии платье и вцепилась пальцами в затылок Клим. Передвигались как получалось, продолжая не просто целоваться. Со стороны наверняка бы показалось, что они намереваются друг друга укусить. Или загрызть.

Катя с трудом переставляла ноги, которые без конца заплетались и подламывались. Когда они добрались до холла, вдруг куда-то подевалась вся одежда.

Ее подхватили сильные руки и легко, как пушинку, понесли вверх по лестнице. Смотреть по сторонам она не могла, поцелуй Клим не разрывал ни на секунду. Да и не больно хотелось.

Как он ее целовал! Она в жизни ни с кем не целовалась чтобы так: до звездочек перед глазами, до умопомрачения, до полной отключки всех существующих тормозов.

Шелк простыней был будоражаще прохладным, но это была кажущаяся прохлада, поскольку остудить их сейчас не смогли бы даже ледники Эймери.

Она каждой клеточкой тела ощущала свою принадлежность этому едва знакомому мужчине. Она сливалась с ним и текла сквозь его кожу, и то, что между ними происходило, казалось, происходит не впервые, а длится уже целую веч-

ность.

С Климом творилось то же самое. Она точно знала, потому что каждое его движение, каждая ласка, каждый поцелуй были именно такими, как надо ей и когда надо.

Никто никогда не чувствовал ее так, как он. Ничего в мире не было более гармоничного и правильного, чем переплетение их тел. Они словно приклеились и не могли оторваться друг от друга...

...Еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Да уж, знатно она нагородила и нафантазировала себе! Правда, ненадолго. Ровно до тех самых пор, пока не пролилось отрезвляющим душем вальяжное «Я снял девочку в „Саламандре“».

В груди снова сдавило. Катя опомнилась и обнаружила, что сидит, уставившись в потухший экран монитора. На нее внимательно смотрят черные глаза, а идеально очерченные губы что-то говорят.

Те самые губы, вкус которых она до сих пор помнит, и которые не пропустили на ее теле ни одного миллиметра.

– Прости, я не услышала, что ты сказал? – во рту было вязко, будто она набила его жевательными резинками.

– Рабочий день окончен, ты все проспала, Екатерина Дмитриевна, – уголки губ поползли вверх, но глаза по-прежнему оставались предельно серьезными. Аверин встал и подал ей руку. – Теперь мы можем поговорить. Предлагаю поужинать.

Катя ответила таким же серьезным взглядом. Они молча

разглядывали друг друга некоторое время, а потом вдруг стало совершенно очевидно, что он вовсе не стал для нее «после», а так и остался в «до».

Она не пойдет с ним ужинать ни сегодня, ни завтра, ни через месяц. И не потому, что не хочет, хочет. Желает всей душой. И телом. Вот только ей нужно бежать домой, потому что там Ваня и Матвей. Они ждут ее, они так трогательно радуются, когда она возвращается с работы!

Пока для малышей она еще Катя, но Матвейка уже иногда зовет ее мамой. И Ваня два раза назвал. Конечно, один раз можно попросить Людмилу Григорьевну посидеть с малышами, но как скоро это надоест Климу?

«Подумай хорошо, детка, ты ставишь большой жирный крест на своей личной жизни. Ты молодая, тебе своих рожать надо. А мы им хороших родителей подыщем, не переживай», – говорила Галина Николаевна из области.

Катя даже соглашалась. Но потом представляла, как у нее забирают близнецов, и сердце начинало рваться на части. Ей несколько раз это даже во сне снилось, и она, проснувшись, долго не могла прийти в себя.

На маму давно не было никакой надежды. Та с трудом приходила в себя после инсульта, с которым ее увезли прямо с похорон дочери.

Так что, чем больше Катя всматривалась в красивое мужское лицо, нависшее над ней, тем больше убеждалась в том, что никаких отношений у них с Авериным нет и быть не мо-

жет. А если учесть, что они теперь сотрудники, то вообще...

Оставалось теперь каким-то образом донести это до Авенина. Катя вздохнула и встала, проигнорировав протянутую руку. Ей лучше не прикасаться к нему, кто знает, что на этот раз сработает катализатором.

Клим приподнял бровь, но ничего не сказал. Пропустил Катю вперед и пошел следом.

Глава 4

Клим не отставал ни на шаг, и Катя чувствовала себя как под конвоем. Но держался он на расстоянии и руки в ход не пускал, что служило весьма сомнительным утешением. Многие успели их увидеть вдвоем, и Катя могла дословно пересказать, что говорилось им вслед особо яркими представительницами фан-зоны Аверина.

– Какую кухню ты предпочитаешь? – спросил тот, лишь только они вышли из здания, где офис «Мегаполис Инвеста» занимал три этажа.

«Свою. Десять квадратных метров». Но вслух она сказала, конечно же, другое:

– Клим, я не пойду с тобой ужинать. Я спешу домой, а по дороге мне еще нужно зайти в супермаркет. У меня есть полчаса, максимум сорок минут, если тебе неудобно разговаривать здесь, вон там есть приличная кофейня, – и, не услышав возражений, направилась в указанную сторону.

Они выбрали самый дальний столик у окна. Клим не успел даже как следует усесться, как Катя первой атаковала в лоб:

– Говори, что тебе от меня нужно, и я побегу.

Сказать, что ей удалось его удивить, это ничего не сказать. Аверин уставился на Катерину с таким видом, будто у нее по всему телу распустились диковинные цветы. Он молчал минуты две, а то и три, и все это время Катя терпеливо ждала.

Наконец Аверин родил:

– Я, вообще-то, спросить хотел, почему ты сбежала, ведь у нас, как мне показалось, все прошло хорошо? Или нет?

– Просто отлично, – подтвердила Катя, – мне все понравилось.

Клим поерзал и заговорил уже менее уверенно.

– Тогда почему? И почему ты назвалась Алисой?

– Это первое, что пришло в голову. Честно? Я решила, что ты соврал, и ты не Клим, а, к примеру, Сигизмунд, – показательно призналась Катерина и поспешно добавила: – Прости.

Клим оторопело ее рассматривал.

– Хорошо, допустим. А сбежала зачем?

– Я не сбежала. Просто проснулась, поняла, что выпалась, вызвала такси и уехала.

– В разорванном платье и босиком? – скептически поднял бровь Аверин.

– Да, я не смогла найти туфли, пришлось одолжить твои носки. Конечно, если бы я знала, какие они дорогие, то не посмела бы, но я не знала. Не волнуйся, я завтра принесу, они целые и постиранные. А что, девочки, которых ты обычно снимаешь в ночных клубах, сами от тебя не уходят? Ждут, когда ты их выставишь?

Клим сверлил ее пронизывающим взглядом. Кате казалось, она видит, как у него в голове лихорадочно вращаются шестеренки, ускоряя мыслительный процесс.

– Я понял, – он медленно откинулся на спинку стула, и ше-

стеренки существенно замедлили ход. – Я что, орал на весь дом?

– Я стояла под дверью. Ничего такого, Клим, мне захотелось пить, и я пошла искать тебя. Или кухню. Я не собиралась подслушивать, так получилось.

Клим смотрел в сторону. Его взгляд потяжелел, и теперь заерзала Катя. Он, конечно, прекрасен, когда вот так задумчиво молчит, но время течет как вода сквозь пальцы...

Внезапно обе ее ладони накрыли крепкие руки. Черные глаза пробуравили в ней несколько отверстий, в которых тут же зажглись огоньки и потекли по венам.

– Я ошибся, Катя, – он говорил низко и немного хрипло. Вдруг стало тяжело дышать от того, как непривычно прозвучало из его уст ее имя. – Прости меня. Я идиот.

Дыхание совсем перехватило. Невозможно, совсем невозможно быть хладнокровной и рассудительной, когда он вот так держит ее руки и топит ее саму в своих бездонных черных озерах.

– Я... – голос сорвался, меньше всего хотелось заводить старую песню из серии «Я не такая». Она прогнала наметившийся в горле комок и продолжила. – Я ни за что не осталась бы у тебя, если бы сама не захотела. Может, это погоня так подействовала, может, твой мотоцикл и то, как мы летели там, на трассе, но я тогда уже поняла, что останусь. Я тебя захотела, Клим.

Теперь уже она буравила Клима, прожигая в нем дыры, а

он вдруг сжал ее пальцы так сильно, что она даже ойкнула, и приник к ним губами.

– Я потом понял, утром, когда проснулся, а тебя не было. Почему ты не высказала мне все сразу, а притворилась, что спишь?

– Сразу я бы не смогла, я бы разве что физиономию тебе разукрасила. Я потому и убежала назад в спальню, чтобы удержаться и не разбить о тебя что-нибудь, – она покусывала губы, отчаянно надеясь, что ее не выдаст бешено колотящееся сердце. А Клим лишь способствовал этому, осторожно двигаясь губами от кончиков пальцев по ладони к запястью.

– Вот и разбила бы, и разукрасила. Сама бы потом и лечила, зато мне не пришлось бы тебя искать так долго. Где я тебя только не искал, Катенька! Я готов был сам себя избить, когда понял...

– Что ты понял? – она отняла руку и принялась бессознательно тереть ладонь, будто можно было стереть следы его обжигающих поцелуев.

– Что ты впервые в «Саламандре», и что я ошибся, приняв тебя за одну из приходящих в клуб исключительно ради таких вот близких знакомств, – пояснил Клим и, поймав ее недоумевающий взгляд, улыбнулся: – Туфли, Катя! Девушки, о которых я говорю, никогда не наденут к платью от Элизабетты Франки туфли за пятьдесят долларов.

– Откуда ты знаешь, сколько они стоят? – спросила Катя, почувствовав, как кровь приливает к щекам.

– Я их нашел. В гараже. Ты ценник с подошвы не отклеила, – Клим улыбался, и ей вдруг стало ужасно обидно. Для нее пятьдесят долларов хорошие деньги, пусть он катится со своей Баленсиагой хоть в «Саламандру», хоть еще куда. – Они у меня дома в коробке лежат, поехали, заберешь? Или хочешь, другие купим?

Катя порадовалась, что сидит, потому что у нее не то, что ноги – все тело стало ватным от того жгучего взгляда, которым Клим сопровождал свое предложение. Она собралась с силами и качнула головой.

– Нет, Клим, никуда я с тобой не поеду. Мы живем в разных измерениях, да что там, в разных вселенных, и никаким боком вообще не соприкасаемся. Я не хочу иметь никаких дел с такими, как ты. Никогда.

«Спасибо, насмотрелась».

– И что со мной не так? – взгляд напротив снова потяжелел.

– Все так, – поспешила успокоить, – но не для меня. Вот только скажи, если не затруднит, зачем ты пришел в наш отдел? Тебе этой зарплаты на семь пар носков максимум, – подумав и посчитав в уме, поправилась: – На шесть с половиной.

– А, ты об этом! – Аверин облегченно выдохнул и снова сгрел ее руку. – Так бы сразу и сказала. Я не живу там, я снимаю двушку на левом берегу, это не мой дом, Катенька, меня друг попросил пожить, пока его не было. Он путеше-

ственник, по миру мотается, сейчас вернулся. Хочешь, я вас познакомлю?

Катя оторопело пялилась на Аверина, чувствуя теперь, как медленно вращаются шестеренки в ее собственной голове. Это правда? Он не врет? Он не мажор? И, не смея выпустить наружу буйную радость, спросила:

– Это его клуб? Это он тебя просил о наркотиках узнать?

– Нет, то другой приятель. Я тебя с ним тоже познакомлю, если хочешь, – и наклонился, испепеляя и глазами, и дыханием. – Так что, едем ко мне за туфлями?

– А как ты к нам попал? – не сдавалась Катя, отодвинувшись как можно дальше и практически став со стеной одним целым. Клим набрал полную грудь воздуха, но материться не стал.

– Я искал работу, разослал резюме, мне позвонили из отдела кадров. Потом я прошел собеседование у... – он пощелкал пальцами, силясь вспомнить имя-отчество Чистякова, – этого, как его...

– Короля Ночи, – услужливо подсказала Катя, и глаза Клима округлились до размеров кофейных чашек.

– Кого???

Она вкратце объяснила:

– У Чистякова кличка Король Ночи. Он самый настоящий трудоголический перфекционист, не признает ни выходных, ни отпусков. Если ты умрешь и тебя похоронят, но по какой-то причине ты понадобишься Чистякову, завтра же бу-

дешь сидеть на оперативке живой, чистенький и причесанный.

– Это кто его так наградил?

– Есть у нас один креативный двигатель идей. Прозвища клеит на раз-два-три, и прилипает намертво. Помнишь парня, который к нам в лифт подсел? Это Халк.

– Тот рыжий дрыщ?

– А охранника у входа видел? Здоровый такой? Это Магистр Йода.

Клим навалился своей широкой грудной клеткой на столик и затрясся от смеха. Катя вздохнула. Ржущий Клим представлял собой не менее потрясающее зрелище, чем молчаливый.

Катя с удовольствием бы любовалась им бесконечно, но позволить себе такую роскошь она не могла. Дома ждали дети. Поэтому пришлось несколько раз стукнуть стонущего от смеха Аверина по спине костяшками пальцев и добавить не очень вежливо:

– Я рада, что смогла тебя развеселить, но прости, мне пора. Как-нибудь в другой раз посмеемся...

Клим, продолжая смеяться, вытер уголки глаз, поймал ее за руку и покачал головой:

– Даже не думай. Никуда ты не пойдешь. Ты в самом деле решила, что я столько искал тебя, нашел и теперь позволю так просто уйти? Я повторяю, я ошибся в тебе, и подумать не мог, что ты так въелась мне в мозг. Поехали ко мне, Ка-

тя! – Клим смотрел на нее с недоумением, которое быстро сменилось недоверием. Он крепче сжал ей руку и спросил опасно вкрадчивым голосом: – Скажи честно, ты обо мне вспоминала?

– Поначалу да, вспоминала, – на самом деле она думала о нем сутки напролет. Иногда во сне видела, но говорить об этом и не подумала бы. Обойдется. – А потом мне стало не до тебя. Извини.

Катя виновато двинула плечами. В небе напротив начали сгущаться тучи, но она говорила правду. После того, как над Мицубиси, в котором ехали ее старшая сестра Алла с мужем Ильей, сомкнулись речные воды, ей в самом деле больше стало не до Клим. Он остался в прошлой жизни, счастливой и солнечной.

А в новой жизни у Кати были так и не пришедшая в себя мать, Матвей с Ванькой, которые уже начинали называть ее мамой, хоть и через раз. И новое руководство, уверенное, что работники с детьми – это ненужный балласт для компании.

И как Катя ни старалась, вписать Аверина не получалось никуда при всем ее желании. Ну не было ему места в таком раскладе.

Она рассматривала сидящего напротив нахмурившегося мужчину, и где-то в самом дальнем уголке души несмело шевельнулось отчаянное сожаление. Больше не повторится та сумасбродная и безрассудная ночь, когда они оба не думали

ни о приличиях, ни об условностях. А просто упивались друг другом, забив на весь мир.

В голове предательски зашептал тоненький голосок: «Да поезжай, Катя, всего один раз, ну что изменится? У вас что так, что так ничего не получится, но одну ночь для себя ты разве не заслужила? Позвони Людмиле Григорьевне, пообещай двойные сверхурочные и пусть переночует с детьми. Всего одна ночь, последняя. Ты же сама этого хочешь!»

Катя решительно отдернула руку и посмотрела на Клима прямым и ясным взглядом:

– Ты ничего не слыхал о корпоративной этике? Мы с тобой сотрудники, Аверин. Работаем в одном коллективе, так что ехать к тебе нам совершенно незачем. И вообще...

Зазвучал сигнал вызова. Катя взглянула на экран, и сердце провалилось вниз – звонила няня, но стоило ей бросить отрывистое «Да», в трубке раздался забавный лепет. И губы сами расплылись в улыбке.

Малыши соскучились, и Людмила Григорьевна милостию одолжила свой телефон. Или ребята сами его стащили, такое тоже случалось. Теперь из динамика до нее доносилось серьезное пыхтение, по которому она безошибочно определила Матвея.

Матвейчик был во всем старшим, и если Ванька любил, чтобы его тискали и баловали, то старший брат больше всего ценил равенство. Он весь раздувался от гордости, когда Катя говорила с ним, как со взрослым.

– Привет, котенок! – она постаралась, чтобы прозвучало достаточно ласково, но не умильно, потому что Матвею это не нравилось. И слышала, как радостно залепетал на своем, малышачем, языке мальчик, периодически вставляя «Катя». – Я уже еду домой, скоро буду. Что тебе купить вкусенького?

Матвей перечислял, что ему хочется. Катя терпеливо вслушивалась, хоть и понимала через раз. Между тем напротив в небе тучи все сгущались и сгущались, наползая на ее территорию и угрожая обрушиться шквалом и грозой.

Наконец, она пообещала мальчику купить в супермаркете булочки с изюмом и йогурт, сказала на прощание: «Жди меня, котеночек!» – и отняла от уха телефон. Продолжая улыбаться, подняла глаза на Клима и обмерла.

Перед ней сидел совсем незнакомый человек с сомкнувшимися над переносицей бровями и поджатыми губами. Его глаза были полны такой дикой ярости, что Катя невольно отшатнулась.

– Если бы меня назвали котенком, я бы застрелился, – отрывисто сказал Аверин. Казалось, у него даже голос изменился, стал резче, злее. Катя почувствовала, как его захлестывает бешенство. – А если бы котеночком, то сразу бы издох.

Он встал и с силой задвинул за собой стул так, что под Катей задрожал пол. Направился было к выходу, но в последний момент приостановился и бросил через плечо, зло

сверкнув глазами:

– Твои пафосные заявления о корпоративной этике звучат как издевка. Ты могла просто сказать, что не одна, этого было вполне достаточно. Мне ни к чему подержанный автомобиль, я всегда предпочту взять новый из салона, – развернулся и зашагал к выходу.

Катя с трудом подавила порыв схватить его за руку, удержать, объяснить, что у нее никого нет, и это ей звонил... сын?

Она никак не привыкнет к тому, что у нее теперь есть сыновья. Целых двое! Ей в первую очередь следует заботиться о них. Такой самовлюбленный сноб, как Аверин, первым исчезнет с ее орбиты с комической скоростью, лишь только узнает о мальчишках. Она очень правильно сделала, что промолчала.

Смотрела на удаляющуюся спину в кожаной косухе, а сердце ворочалось и ныло от тоскливого осознания, что теперь уже точно между ними все кончено.

Нестерпимо хотелось обвить эту спину руками, вновь почувствовать под ладонями твердые мышцы пресса, уткнуться носом в пахнущую шею и слиться в одно целое с байком, Климом и ночным шоссе.

Следует смириться с тем, что с Авериным ей ничего не светит, и, если бы можно было его больше никогда не видеть, было бы не в пример легче. Катя грустно проследила, как Клим вышел из кофейни и двинулся в сторону паркинга.

Она еще немного посидела, собираясь с силами. Сама не

ожидала, что отказать Аверину будет так тяжело, ей словно отдирать его от себя приходилось. Как он там сказал, «въелась в мозг»? Значит, он въелся ей прямо в душу...

Убедившись, что Клим скрылся из виду, встала и направилась к двери, давая себе твердое обещание больше не думать и не вспоминать об Аверине. Но в ушах продолжало звучать презрительное: «Я предпочту взять из салона новый».

Глава 5

Этой ночью Кате снился Клим.

Сон был очень хороший, правда, проснувшись, она не помнила деталей, но ощущения были удивительно приятные. Она даже зажмурилась и попробовала снова уснуть в надежде еще продлить сон. В нем Клим смотрел на нее не зло и пренебрежительно, и не с вожделением, как в ту ночь, когда они оба сошли с ума, а совсем по-другому. С нежностью.

Это было абсолютно новое, неведомое чувство, когда он будто ласкал взглядом, а еще улыбался, но не язвительно и с насмешкой, а тепло. И становилось тепло и уютно, хотелось самой подставляться под этот взгляд...

Сигнал будильника вырвал ее из объятий Клим, и тот растаял в отголосках сна. Катя горестно вздохнула, вспомнив и вчерашний разговор, и то, что с сегодняшнего дня ей придется пять раз в неделю с девяти до восемнадцати видеться с Климом. Утешало только, что с перерывом на обед.

Она готовила завтрак, когда малыши проснулись и потянулись к ней в кухню обниматься. Это был их привычный утренний ритуал. Обнять надо было обоих одновременно, чтобы не обиделись. Для этого Катя опускалась на коленки, обнимала мальчиков, а они укладывали ей головы на плечи, и так стояли втроем несколько минут. Не шевелясь.

Психолог, посещение которого входило в курс для усыно-

вителей, настоятельно рекомендовала Кате самой поднимать с утра малышей, кормить их завтраком и точно так же ужинать с ними и укладывать их спать.

«У детей должно произойти замещение материнского образа на ваш, Катерина, – говорила психолог, и Катя с ней полностью соглашалась, – а если все это будет делать няня, замещение произойдет не в вашу пользу. Малыши должны воспринимать вас как неотъемлемую часть их мира, тогда принятие вас как матери пройдет быстро и легко».

Соглашаться она соглашалась, но каждый раз утром, когда две светлые макушки утыкались в шею, ей хотелось плакать от жалости к ним, к себе, к Алке.

Иногда накатывала настоящая паника, что она не справится, не вытянет. Катя помнила, как чувствовала Алла своих детей, у нее этого и близко не было. Она сердилась на сестру, что та так безответственно дала себе погибнуть и бросила ее с детьми на произвол судьбы, а потом мгновенно накатывало раскаяние, и снова душили слезы вперемешку с чувством вины.

Вечером было проще. Катерина укладывала умытую и накормленную малышку, а сама устраивалась рядом с книгой с красивыми картинками. Особенно им нравились детские стишки.

Затем обязательная колыбельная на выбор, причем вкусы у ее парней были диаметрально противоположные. Потому приходилось петь несколько раз. Зато оба быстро засыпали.

Она еще некоторое время сидела рядом, глядя на посапывающих малышей и все больше понимая, что другой свою жизнь не представляет.

Вот и сейчас Катя вдыхала детский, еще молочный запах теперь уже своих детей, но вместо привычной паники в душе, наоборот, было мирно и спокойно.

Может, у нее тоже произошло то самое замещение? И больше она не будет терзаться и мучиться, что у нее ничего не выходит и что она никогда не станет настоящей матерью для Вани и Матвея...

По дороге на работу Катя думала об Аверине и о том, как ей правильно с ним себя повести. Можно сделать вид, будто ничего не произошло, поздороваться и приветливо улыбнуться, но хватит ли сообразительности и выдержки у самого Аверина?

И как долго она продержится, если даже сегодня, конечно же, без задней мысли накрасила губы ярко-алой помадой и расстегнула лишнюю пуговичку обычно наглухо застегнутой блузки?

Изображать ничего не пришлось. Прямо в холле она столкнулась с Климом, расточавшим комплименты тощей как палка Ленке. Он придерживал Ленку за талию, заводя в лифт, и Катя замедлила шаг, чтобы не попасться ему на глаза.

В кабинете – ну как кабинете, стеклянном кубе в углу отдела – Клима не было, наверняка ошивается в кухонной зоне.

Катя решила было сделать себе кофе, но только сунулась на порог кухни, тут же увидела красующегося по центру Аверина в окружении всех сотрудниц близлежащих отделов.

Мигом отчалила, справедливо рассудив, что к кофемашине сейчас не пробиться, а ждать, пока схлынет волна страждущих заполучить скудную долю внимания у местного божества, не было ни малейшего желания.

И чем вообще думал отдел кадров, принимая на работу такой источник разброда и шатания как в мыслях, так и в реальности?

Хотя, если быть до конца честной и объективной, следовало признать, что Клим Аверин неплохо разбирается в тонкостях строительного бизнеса.

Он если и задавал вопросы, то очень точные и прицельные. К концу вчерашнего дня у Кати сложилось стойкое ощущение, что она не столько вводит нового сотрудника в курс дела, сколько отчитывается перед ним о проделанной работе.

Впрочем, возможно, причиной была сама манера общения Аверина, явно привыкшего, что его слово всегда последнее и обсуждению не подлежит. Как вчера, например. Странно, Кате даже обидно не было. Может, потому что мужчина выглядел настолько уязвленным, что не пытался этого скрыть?

Она улыбнулась, представив, что сказал бы Аверин, увидев живую того самого «котеночка». Кстати, ее малыши гораздо больше напоминали щенят, чем котят. Все-таки маль-

чики...

– Привет, – прозвучало над ухом вполне бодро и приветливо.

Катя подняла удивленные глаза и уперлась в безупречный разворот плеч. Выше этого умопомрачительного разворота так же приветливо улыбался ее новый сотрудник.

И все ничего, если бы в глубине черных глаз не горели опасные огоньки, которые портили все благостное впечатление от приторно-вежливого аверинского «Привет». Даже чашка кофе, поставленная перед ней с преувеличенным усердием, не обманула ее в отношении Клима.

Он вел себя дружелюбно-благожелательно, при этом явно сторонился общения, и уже к обеду пересел на оборудованное специально для него рабочее место в противоположном углу от Катиной «стекляшки».

Он обращался к ней лишь в случае крайней необходимости, на оперативках держался на расстоянии, а в обед вообще исчезал из офиса.

Зато однажды она, заваленная работой, решила пообедать творожным десертом. Когда увлеченно облизывала ложку, прямо кожей почувствовала, как ее обожгло. Осторожно осмотрелась и натолкнулась на жгучий взгляд исподлобья из противоположного угла по диагонали. Спокойно доела десерт и поразвлекалась немного, демонстративно накрасив губы все той же алой помадой.

И будто наяву услышала судорожный вздох, затем заскре-

жетали зубы. А может, ей все это показалось, уж больно мучрено работало сейчас ее подсознание. Воображение и вовсе следовало закоротить или даже отрубить.

Ладно сны, она уже смирилась, что Аверин являлся к ней исключительно в обнаженном виде и, проснувшись, вспоминала самые горячие моменты, после которых единственным спасением был холодный душ. Но реалии становились еще более невыносимыми.

Все чаще, наткнувшись на широкую спину в проходе или коридоре, она видела эту спину, только без одежды.

Прочерченная выразительным рельефом мышц, вся в капельках пота, она вздымалась и опускалась в том самом ритме, который был нужен самой Кате. Ее руки обвивали эту спину, бороздили пальцами, царапали ногтями, и это отражалось в огромном зеркале, занимающем весь потолок в спальне Клим... Не Клим, а его приятеля. Впрочем, не важно.

Однажды она даже подошла, как притянутая магнитом. Очнулась в самый последний момент, когда руки уже потянулись к обтягивающей спину ткани пиджака. Клим как раз беседовал с сослуживцем, обернулся, и они оба с удивлением уставились на Катю.

– Ты вымазался, – пробормотала та, стряхивая невидимую грязь с гладкой и очень качественной ткани, а потом бежала со всех ног, пряча глаза.

Клим догнал ее в конце коридора, схватил за локти и за-

толкал в подсобку, где техслужба хранила свой инвентарь.

– Долго это будет продолжаться? – гневно выдохнул, заламывая ей руки за спину. – Ты надо мной долго еще издеваться собираешься?

– Я? Ты сошел с ума, Клим, отпусти меня! – она судорожно пыталась высвободиться.

– Смотришь на меня так, юбка у тебя узкая и помада эта твоя, – он очертил пальцем губы, не касаясь, а лишь прижимая уголки. – Ты специально это делаешь?

– Какая тебе разница, какой цвет у подержанной машины? – Катя старалась, чтобы прозвучало беззаботно, но горечь сдержать не получилось.

Аверин ошалело выпустил ее руки, а потом порывисто обнял, и пришла Катина очередь ошалеть.

– Прости, я намеренно хотел задеть тебя. Я ревную тебя к твоему козлу, Катенька...

Она представила, что будет, если кому-то вздумается сюда заглянуть. Оттолкнула Клим и проскользнула под его рукой к двери, но он снова поймал ее за локти и потянул к себе.

– Чем он лучше меня? – не сказал, а прорычал. Катя обернулась и погладила Аверина по щеке.

– Ну что ты, ничем, ты лучше всех, котеночек, – и выбежала из подсобки, пока тот вращал глазами и хватал ртом воздух.

– Ты обещал застрелиться, – напомнила Катя, отскочив на безопасное расстояние. Клим молчал, тяжело дыша. – Все

твои слова – это дым, Аверин, так что иди-ка ты в... автомобильный салон. Только смотри, не продешеви! Там и битые машины продаются, и по кругу крашенные, и с запчастями старыми. Но тебе лишь бы фасад был в норме и цена подороже, так что вперед, Аверин...

Она развернулась и пошла прочь, ругая себя последними словами, что не удержалась и сорвалась, дав понять Климу, что он ей не безразличен.

На следующей оперативке Чистяков объявил, что Клим Аверин прошел стажировку и принят в постоянный штат. И что дресс-код компании теперь запрещает сотрудницам красить губы яркой помадой, особенно это касается всех цветов красного.

* * *

Отдел получил аванс, и Аверин пригласил коллег отметить свое зачисление в штат в расположенную неподалеку трактирию «Тоскана».

Катя поначалу хотела отказаться, но затем, вспомнив, как настоятельно ей советовал Чистяков не выделяться из коллектива, позвонила маме. Та пришла сменить няню, оставшись с внуками ночевать.

– Кать, ты что, не идешь? – Надя остановилась у ее двери, когда сотрудники один за другим потянулись к выходу.

– Иду. Губы только накрашу, – Катерина достала губную

помаду того самого, запрещенного оттенка, и самым тщательным образом накрасила губы.

А что, имеет право! Рабочий день подошел к концу, а от бледного нюдового цвета ее уже воротило.

– Ха, Катюха, нарушаешь дресс код! – подмигнул Сергей, увидев ее выходящей из здания офиса.

– Время нерабочее, я не в офисе, – ответила Катя и добавила ворчливо: – Хотя в зеленый губы крашу, наше руководство это уж точно не должно волновать. Или еще кого-то, – она пристально взглянула на Аверина.

Чистяков недаром предполагал, что тот засланный казачок. Только слепой не увидел бы связи между их последней стычкой с Климом и запретом на красную помаду.

– А я полностью поддерживаю такое решение, – спокойно ответил Клим, глядя Кате прямо в глаза. – Мало того, это было мое предложение.

– Твое? – удивленно повернулась к нему Надежда.

– Да. Я написал в чате компании свое замечание. Надоело, приходя в офис, чувствовать себя посетителем увеселительного заведения. И я рад, что к моему мнению прислушались.

– Лучше бы ты написал, чтобы решили проблему с питанием для сотрудников, – недовольно хмыкнула Катя, – а то с этим дресс-кодом скоро будут нам диктовать, какого цвета нижнее белье надевать в офис.

– Хорошая идея, – оживился Степан. Клим его поддержал:

– Мне тоже нравится. Думаю, здесь красный будет как раз

уместен.

– Вообще, Степа имел в виду обеда, – съехидничала Катя, внушительный Степан виновато закивал. – А кое-кому прямая дорога в управляющие борделем.

Аверин умолк, они как раз подошли к трагтории. Их компанию разместили за массивным деревянным столом. Официант принял заказ, и тут Клим спросил у Кати уже вполне серьезно:

– Какие у нас проблемы с обедами? Разве кухонной зоны недостаточно?

– Не все носят с собой из дому судочки, – объяснила Катя, они совершенно случайно оказались за столом рядом. – В здании этажом выше есть ресторан, но там дорого, даже их бизнес-ланчи не всем по карману. Из близлежащих кафе есть несколько недорогих, но они не справляются с таким наплывом посетителей, а у нас не всегда есть время по сорок минут ждать заказ. Было бы замечательно, если бы компания подписала контракт на доставку готовой еды, чтобы каждый мог заранее выбрать себе блюда.

– А почему ты сама не напишешь?

– Так Чистяков сто раз об этом говорил. Но, видать, яркая помада для руководства представляет большую опасность, чем голодные сотрудники.

Клим выгнул бровь, но отвечать не стал, зато в разговор встряла Аня:

– Вы слышали эти слухи, что будто бы будут увольнять

всех, у кого есть дети?

Катя невольно вздрогнула, и это не укрылось от Клима. Она уткнулась в коктейль, чтобы не выдать Чистякова, поделившегося с ней тайной, которая, по-видимому, тайной уже давно ни для кого не являлась.

– Как это? – не понял Сергей. – Так нет такого закона.

– Закона нет, а Любка Стрельникова и Оля Друбина уже написали заявления. Зимина, вроде, следующая.

– Зимина? – взвилась Катя. – Они хотят уволить Наташу? И Чистяков позволил?

Наташа Зимина была финансистом от Бога. Чистяков лично привел ее в свой департамент, как и Катю. И если он не смог отстоять ее, то Катя вылетит еще быстрее, как только в отдел кадров поступят сведения об усыновлении.

– Чистяков орал так, что было слышно у производственников. Говорили, он сам написал заявление, – сказал Степа, складывая себе на тарелку сразу половину пиццы. Кате уже ничего не хотелось. – Не знаю, отстоит Зимину или нет.

– Станный он, этот наш новый рабовладелец, – задумчиво произнесла Надя. У нее все руководители были как не рабовладельцами, так работоторговцами. Даже Катерина. – Почти у всех есть дети. Разве можно так оценивать работу человека?

– Так он чайлдфри, – лениво потягивая пиво, сказал Сергей, – у них это что-то типа идеологии. Дети личинки и все такое.

– Это чайлдхейт так считают, – заспорила Аня, – а чайлдфри сознательно выбирают жизнь без детей.

– Так пусть и выбирают, нам зачем ее портить? – проворчал Степа.

– А ты тут каким боком? – спросила Надя. – У тебя ни жены, ни детей, чем они тебе жизнь портят?

– Вот придет вместо Наташки что-то типа Ленки-дуры, посмотрим, как ты запоешь. Значит, Ленку выгнать нельзя, потому что она любовница Осадчего. Чистяков все локти изгрыз, а уволить ее не может. Зато Натали, которая и за нее, и за себя работу делает, они увольняют! Зашибись! Да я по полдня одну цифру жду, если Зиминой на работе нет.

– Почему ее не бывает на работе? – спросил Клим.

– У нее ребенок больной, – ответила вместо Степки Аня, – она одна, без мужа. Но Зиминая всегда на удаленке, если спрашивается. И потом до ночи в офисе сидеть может. Степа прав, с нее намного больше толку, чем с бездетной Ленки.

– А ты чего молчишь? – повернулся Клим к Кате. Ее уже всю трясло, и она не удержалась:

– Потому что я их ненавижу, этих чайлдфри. Вот просто ненавижу и все.

– Мне кажется, – Клим говорил, медленно растягивая слова, – это право владельца – устанавливать в собственной компании свои порядки.

– Я и не спорю, пусть устанавливают, – мотнула головой Катя, – но посмотрим тогда, с чем они по итогу останутся,

когда толковых сотрудников разгонят. Точнее, с кем.

– Ты чего так завелась, Кать? – удивился Сергей, а она не могла остановиться.

– Не обращай внимания, Сереж, это личное. У меня с этими чайлдфри свои счеты. Ладно, ребята, мне пора, я пойду. Меня ждут, – проговорила с нажимом, адресованным Аверину.

На самом деле хотелось поскорее выйти на воздух, чтобы успокоиться. Она уже жалела, что ввязалась в этот бессмысленный разговор.

– Я тебя провожу, – сказал Клим, поднимаясь следом, как тут ее талию обвили чьи-то руки, и знакомый голос послышался у самого уха:

– Катюша, привет. Я так рад тебя видеть.

Глаза Аверина медленно превращались в две пусковые установки, и Катя мысленно вздохнула:

«Тебя, Витенька, тут как раз и не хватало...»

Глава 6

С Виктором Катя познакомилась меньше трех месяцев назад на выставке «Умный город». Высокий сероглазый блондин ей понравился, но мало ли их было, и сероглазых, и кареглазых. В целях экономии времени всех желающих познакомиться Катя под любым предлогом зазывала домой и сходу знакомила с детьми. А там все решалось само собой.

Надо сказать, Ваня с Матвеем прикладывали максимум усилий, чтобы воздыхатели ретировались как можно скорее. У них словно включались невидимые реактивные движки. Плюс усилители звука срабатывали на полную катушку.

Зато лишь только за неожиданным гостем закрывалась дверь, ребята становились как шелковые, ласковые и послушные, и Катю это страшно умиляло.

Как-то один из претендентов задержался на целый вечер. Но стоило ему поинтересоваться, почему Катя оформила опекунство – она разве что не с порога об этом всем заявляла, – если «есть мама, возраст позволяет, а ты, Катюшка, молодая, зачем такое ярмо на шею», как в мгновение ока оказался за порогом. Обувь Катя выставила следом и куртку не забыла подать.

Виктор на удивление среагировал неожиданно – терпел детские визги и даже поиграл с детьми в прятки.

На следующий вечер явился с гостинцами, причем при-

ятно удивил Катю, позвонив и уточнив, можно ли детворе шоколад. В самый короткий срок познакомился с Катиной мамой и пообещал определить ту на восстановительную терапию к одному известному доктору.

Они начали встречаться, Катя даже немножко влюбилась. Она уж было приготовилась к более близким отношениям, как вдруг Виктор заявился к маме и принялся убеждать ее оформить опеку на себя, чтобы освободить Катю для дальнейших с ним отношений.

Надо отдать парню должное, он пообещал финансовую и моральную поддержку. Бедная мама во всем с Виктором согласилась и на все подписалась. А лишь только тот ушел, загремела в больницу с диагнозом гипертонический криз.

Влюбленность как рукой сняло. Виктор вмиг был внесен в черный список и заблокирован, встречаться с ним Катя отказалась и объясняться тоже. И надо было ему сейчас припереться в ту же тратторию, где их отдел отмечал первую получку Клима!

Кстати, глядя, как Клим шумно радуется сравнительно небольшому авансу – у Кати тот был чуть ли не в два раза больше – она готова была поверить, что Аверин не врет, и дом в самом деле принадлежит не ему. Вот бы проверить, что за квартиру он снимает! Ей бы только заглянуть и все, сразу станет ясно, живет там человек или числится.

– Катюша, ты меня совсем не слушаешь, – обиженный голос Виктора вернул ее к действительности. И вовремя.

Со стороны их стола прямо на Витю градом сыпались твердотопливные баллистические ракеты наземного базирования. Точкой того самого базирования служил Аверин. Следовало срочно вмешаться, а заодно и проучить этого наглеца с таким опасным, прицельно бьющим взглядом.

Катя повернулась к Виктору.

– Я как раз собиралась уходить, мне нужно домой.

– Так я и предлагал тебя подвезти!

– Прекрасно. Ребята, до завтра, – Катя повернулась к столу и, изо всех сил изображая счастье, помахала сидящим.

Она села в «Субару» Виктора и поначалу старательно прислушивалась к его словам. Но быстро поймала себя на том, что внимательно вглядывается в зеркало заднего вида, не мелькнет ли там пристроившийся сзади байк, сверкая хромированными боками в свете зажигающихся фонарей.

Лихорадочно вспоминала, пил ли Аверин в траттории. Кажется, перед ним стоял бокал с пивом? И несколько раз ей действительно показалось, что байк промелькнул. А может, примерещилось...

Зато потом никак не примерещилось, когда, увернувшись от поцелуя Виктора и сбежав домой, она выглянула в окно и увидела облокотившегося о руль мотоцикла Аверина. Он что-то высматривал, блуждая рассеянным взглядом по окнам. С третьего этажа ей было хорошо видно.

Катя в панике отшатнулась и спряталась за занавеску, а потом приняла твердое решение дать Виктору шанс и снова

начать с ним встречаться. Кажется, он что-то такое ей и предлагал по дороге домой. Или хотя бы помотать нервы Аверину, потому что в глубине души понимала, что надолго ее не хватит.

Хватило на три дня. Витя забирал ее из офиса, подкапывая вечером с неизменным букетом. Катя нежно целовала гладко выбритую щеку, а у самой неимоверно зудело и чесалось под лопатками, – это Клим высверливал взглядом сквозные отверстия, словно дрелью.

Виктор набивался в гости, но Катя находила разные предлоги, чтобы спровадить его домой. А потом разглядывала из-за занавески уезжающего следом Аверина.

На пятый день она готова была волком выть, сидя в кафе и отщипывая от ломтика хлеба малюсенькие кусочки. На свою голову согласилась поужинать с Виктором, но есть не хотелось до тошноты, как и до тошноты надоел сидевший напротив мужчина. Поэтому, когда в кафе вошел Клим, она так обрадовалась, что чуть не бросилась ему на шею.

Аверин подошел, поднял ее за локти и, ни слова не говоря, вывел из кафе. На возмущенный протест Виктора обернулся и бросил: «Я тебя предупредил». При этом продолжал крепко сжимать Катю, будто она собиралась вырываться. Подвел к байку и спросил хмуро:

– С юбкой помочь или сама?

И Катя, не забыв, во что превратилось творение Элизабетты Франки после помощи Клима, поспешила поддернуть

юбку.

Он набросил ей на плечи свою джинсовую куртку – ту самую, у нее даже дыхание перехватило. Она попробовала сопротивляться, вечер был довольно теплый, но Аверин лишь плотнее завернул полы куртки и уселся за руль.

Она не прижалась к нему, как в прошлый раз, не рискнула. Просто положила ладони на талию. И млела всю дорогу от забытых ощущений, когда под рукой прощупываются каменные косые мышцы.

Хоть в этот раз поездка не давала чувства единения с дорогой, зато, казалось, именно сейчас между ней и Авериным протянулась тоненькая ниточка. И это было намного важнее даже той единственной, но такой незабываемой ночи.

Клим остановился у ее подъезда, Катя медленно сползла с заднего сиденья и вернула Аверину куртку. Тот одной рукой взял куртку, а второй притянул Катю, и когда заговорил, она обмерла, распознав за металлическими нотками плохо замаскированную горечь.

– Послушай, не делай так больше. Я просто так отвалою, ты только скажи. А мучить себя разными мудаками, только чтобы мне что-то доказать, не надо. Слышишь, Катя? Катенька, посмотри на меня!

Она заставила себя заглянуть в глаза Аверина и чуть не вскрикнула, увидев тот самый взгляд из своих чудесных снов. Непроизвольно шагнула навстречу, Клим осторожно провел ладонью вдоль ее лица, не касаясь, будто сканируя, а

затем спросил негромко:

– Все непросто, да?

Она кивнула, едва удержавшись, чтобы не обхватить его ладонь и не прижать к щеке. Стояла не шевелясь, а когда подняла глаза, увидела, что Аверин тоже задержал дыхание. Сама не поняла, как сорвалось:

– Пожалуйста, перестань мне снится! – и закусила губу, потому что они оба сказали это одновременно.

Клим уперся лбом в ее лоб и прошептал:

– Заколдовала меня?

Катя закивала, кусая губы и силясь не разреветься. Аверин оттолкнулся, запустил двигатель, и байк встал в свечу на заднем колесе. Катя едва успела отскочить.

Мотоцикл рванул с места, и какое-то время Клим так и ехал, а горизонтальное положение принял, лишь выруливая со двора.

В понедельник Катя Клим в офисе не нашла, на оперативке выяснилось, что Чистяков погнал нового сотрудника в командировку, и целую неделю без Аверина офис ей казался пустым и безлюдным.

* * *

– Отчет подготовишь к завтрашнему утру, Клим Маркович, – эту бодрящую интонацию Чистякова хорошо знал каждый из сотрудников. Знал и опасался. Но неопытный

Аверин с готовностью кивнул. Хотя бы сообразил, что если к утру, то бессонная ночь обеспечена. Катя сочувствующе вздохнула. И чуть не подпрыгнула, услышав следом: – В помощь возьми Самойлову. Для сравнительного анализа запросите у финотдела данные соответствующих периодов.

Возвращаясь в отдел, Катя и не пыталась скрыть досаду. Сегодняшний день и, скорее, ночь, придется убить на Аверина, а когда ей делать свою работу, никого, естественно, не волнует. Аверин не отставал.

– Катюх, – Катя обернулась на голос, доносившийся из курилки, и увидела Наташку Зимину, заговорщицки выглядывающую в дверной проем. – О, привет, Клим! Идите сюда!

Зимина поманила их, опасливо оглядываясь по сторонам, и Катя, ухватив Аверина за рукав, потянула его в курилку. Наталья подкурила тонкую сигарету и с наслаждением затянулась.

– Ты когда бросишь, Наташ? – покачала головой Катя, но та лишь беспечно махнула рукой.

– Ай, я уже сколько бросала! Но как только у малого приступ, курево потом самое верное средство, чтобы успокоиться. Я для чего вас позвала, ты знаешь, что Чистяков вписался за меня перед новым руководством?

Катя кивнула. Наташка выпустила струйку дыма и продолжила:

– В общем, я его укатала, чтобы он этого не делал, и написала заявление по собственному. Зачем хорошего мужи-

ка подставлять? Если они задались целью, то все равно уволят не сейчас, так потом. Так что я официально отрабатываю две недели и фьють, — она незамысловато вскинула по спирали палец вверх, — Добби свободен. Но я к чему это, Чистяков запретил выдавать всем вам информацию. Только через Ленку.

— Почему? — удивился Клим.

— Хороший ты парень, Клим, но тугой, — покачала головой Зимина, затягиваясь. — Ленка у нас других дел мастерица, цифры для нее — чудеса и волшебство. Если никого вместо меня не возьмут, она завалит всю работу. Вот Чистяков и уперся рогом, чтобы до верхушки дошло: Ленка, пока ее Осадчий жахает, неприкосновенна. Но я не могу так, вы ж с Катюхой задолбаетесь от нее исходные ждать.

— Так ты типа за дело болееешь? — спросил Клим, и это прозвучало немного ехидно.

Но Наташа не обиделась, она вообще была необидчивая и такими мелочами не заморачивалась.

— Типа того. А ты вообще не умничай. Если завтра Королю Ночи отчет с утра не сдашь, он тебе мозг ложечкой выедать будет и вспоминать при каждом удобном случае. Даже если тот ему на фиг не сдался. Если я не ошибаюсь, на отчет три дня дается, но ему вынь да положь. Так что сидеть вам, ребята, ночь напролет.

— А тебе что с того, тебя же уволили? — не отставал Клим.

— Если начальство гнилое, люди не виноваты. Ни ты, ни

Катька, ни Чистяков, с него ведь тоже спросят, – Наталья недоумевающе шурилась. – Я так не могу.

Клим несколько минут рассматривал Наталью, а затем вдруг попросил:

– У тебя еще сигареты есть? Угостишь?

– Ты что, куришь? – подняла бровь Катя.

– Очень редко, а сейчас вот потянуло.

– Ладно, слушайте, – торопливо заговорила Наташка, страхивая пепел и протягивая Климу пачку с зажигалкой. – Ты, Катюш, сбрось мне, что вам надо, я в облако запихну и тебе пароль скину. Не хочу Чистякова обижать, но и работа сама не делается.

– Осадчий – это чей заместитель? – уточнил Клим, подкуривая и затягиваясь с блаженной миной. А Катя залипла на пальцы, держащие тонкую дамскую сигарету, и почему-то подумала, что ему больше подошли бы сигары. – Коммерческого?

– Исполнительного, – ответила Наташка. – Редкое чмо.

– А твой ребенок чем болен? – спросил Аверин.

– Астма у нас, – Наташка отобрала у него пачку и достала еще одну сигарету. – Самое паршивое, приступы ни с того, ни с сего. Так-то мы нормально с ним. Вот собиралась в отпуск в санаторий его свозить, а теперь уволюсь и поедем. Ему в соляных шахтах хорошо дышится. Я потому и от руководства отдела отказалась, ну какой с меня руководитель, если я периодически на удаленку ухожу? А он меня прям

поедом ел.

– Кто он?

– Король Ночи, кто еще. Ладно, ребят, побежала я, заболталась, – Наташка торопливо затушила недокуренную сигарету и скрылась за дверью курилки.

– Козлина он, – недобро глядя ей вслед, выдала Катя.

– Кто, Чистяков?

– Да нет же, владелец новый. Всех нормальных разгонит к чертовой бабушке.

– Ты считаешь, он совсем безмозглый? Может, его неправильно информировали? Сразу козлина...

– Бросай курить, Аверин, – вздохнула Катя, направившись к выходу, – тебе не идет.

И это была чудовищная неправда.

* * *

– Смотрите, наш новый генеральный! – Анька наполовину высунулась из окна, и ее внушительная грудь грозила в любой момент нарушить равновесие. – Ничего так мужчинка!

Катя и себе подбежала к окну, интересно же! Внизу по дорожке к центральному входу двигалась процессия мужчин в костюмах. Впереди выделялся один, рослый, лет сорока-сорока пяти, и при его уровне доходов это означало, что ему прилично так за пятьдесят.

– Рабовладелец? – прищурилась Надя и встала рядом, вы-

тягивая шею. А потом покачала головой. – Нет, не он. Я слышала, наш молодой, совсем пацан. И тридцатника еще нет.

– Разве ж это молодой! – фыркнула Катя, так старательно разглядывая процессию, что даже кончик языка высунула.

Сзади шумно поперхнулся Аверин, на звук повернулась Надя.

– Слышь, Клим, а тебе сколько лет?

– Двадцать девять, – сипло проговорил тот, вытирая со стола пролитый кофе.

– Да, для нашей Катеньки точно старпер, – глубокомысленно выдала Надежда. – Ей все, кому за тридцать, кажутся глубокими стариками. А ты уже у черты, можно сказать. Ей молодой нужен, горячий.

– После тридцати мы все уходим из большого секса, – хотнул Степан.

– Ты, Степ, если пиво пить не перестанешь, и из малого с треском вылетишь, – неласково взглянула на него Аня. – Лучше с Климá пример бери. Вот уж кто из спортзала не вылезает!

– Клим, а у тебя девушка есть? – пристала Надя к Аверину, и тот неожиданно кивнул:

– Есть.

– Так ты б хоть привел или фотку показал. Ну достали же эти твои почитательницы озабоченные, – Надя с Аней обе были глубоко замужние и счастливы в браке, поэтому на Аверина поглядывали если и с удовольствием, то без вожде-

ления.

– Она не знает, что она моя девушка, – ответил тот, откинувшись на спинку и вытянув ноги перед собой. Катя настойчиво прислушалась.

– Как это не знает? – удивилась Надя.

– Вы недавно познакомились? – переспросила Аня.

– Полгода назад. Я влюбился, как пацан, а она исчезла. Вот недавно нашел, но теперь меня динамят, – голос Клима звучал спокойно и ровно, а у нее снова зачесалось под лопатками.

Катя безошибочно определила это как след от ядовитого взгляда Аверина. И едва не выпала из окна. Влюбился? Ей не слышалось?

Развернувшись, поймала уже знакомый взгляд с горящим внутри огоньком и испытала чуть ли не облегчение. Шутит. Ну конечно! А она, глупая, уже пугаться собралась. Как именно он влюбился, Клим очень доступно рассказал приятелю Артему, поэтому сейчас наверняка от души ерничал и потешался над Катей.

– Ну хоть кто-то способен тебя продинамить, Аверин, – злорадно прищурилась Надежда и уселась за стол.

Катя, с трудом переставляя ноги, вернулась к столу Клима. Почему-то для работы над отчетом был выбран не ее кабинет, а дальний угол Аверина.

– Так он потому и влюбился, – в тон ей подпела Анна. – Поди надоело, что все без разбору на шею вешаются.

– Я вообще здесь, – уточнил Аверин, – надеюсь, я вас не смущаю.

– Кофе-тайм окончен, давайте работать, – недовольно глянула на него Катя, сразу же назначив крайнего.

Аверин усмехнулся и уткнулся в экран ноутбука.

Глава 7

– Ты не выпила свой латте, – Клим придвинул бумажный стакан с крышкой, и Катя посмотрела на часы внизу экрана ноутбука.

Восемь вечера, а работы еще полно! Наташка не подвела, сразу же сбросила нужные данные, Ленка же разродилась только после трех.

Клим тихо матерился, когда понял, что данные она прислала за текущий квартал, а не за аналогичный период прошлого года.

– Вот, посмотри, конечная дата – сегодняшнее число, эта дура даже не поняла, что от нее требуется, – возмущенно тыкал он пальцем в экран Катерине, а та лишь горестно качала головой. Смысла торчать в офисе дальше не было.

– Я есть хочу, – пожаловался Клим, захлопывая крышку ноутбука, и с надеждой посмотрел на Катю: – Куда, к тебе или ко мне?

И она вдруг отчетливо поняла, почему до сих пор не приглашала Клима домой. Потому что знала, Клим оценит обстановку и, по его выражению, отвалит сам. Меньше всего Катя ожидала услышать:

«Не волнуйся, дорогая, воспитаем их вместе».

Как могла, неосознанно оттягивала этот момент, но больше тянуть не стоило.

– Ко мне, – потеряла переносицу и сказала решительно, постаравшись не заметить, как загорелись по соседству черные глаза.

Клим предложил купить по дороге что-нибудь из еды, но Катя пообещала его накормить. Пусть меню у них было с детским уклоном, но все очень вкусно. Вряд ли Аверин откажется от пюре с котлетами, у Людмилы Григорьевны они получались просто бесподобными. В выходные Катя готовила сама, а среди недели подключала няню.

Аверин вызвал такси – он сегодня был безлошадный, – и через двадцать минут они были у Катиного подъезда. Аверин выглядел... смущенным. Вот чудной! Он и правда нацелился на что-то большее, чем зависание за ноутбуком до утра?

Катерина собралась было войти в подъезд, но тут Аверин придержал ее за локоть и заглянул в глаза:

– Катя, ты уверена? Я доделаю отчет сам и с Чистяковым договорюсь...

– Как хочешь, Клим, – она и не думала настаивать и до самой двери дошла, не оглядываясь. Аверин шумно дышал в спину.

– Катенька, вы уже! А я как раз собралась мальчиков укладывать, – сообщила Людмила Григорьевна, заведя на пороге Катерину. Аверина она просканировала своим встроенным рентгеном, но сделала вид, будто ее это не касается.

– Спасибо, я сама, – сказала Катя, опускаясь на корточ-

ки и обнимая малышкой. — Вы идите, я и так вас задержала. Кстати, это Клим Маркович, мой сотрудник. А это Людмила Григорьевна, она помогает мне с детьми.

— Очень приятно! — няня просочилась между ними, попутно еще раз осмотрев Клим с ног до головы. — До свидания!

Парни, заведя в доме мужчину, поначалу спрятались за Катю, но потом осмелели и вышли из укрытия.

— Катя! — радостно запыхтел Ванька, Матвей молча разглядывал Аверина.

Катя не видела лица Клим, но почему-то очень хорошо себе его представляла. Заставила себя заговорить, продолжая сидеть к нему спиной.

— Клим, знакомься, это Ваня. Это Матвей. Мальчики, это Клим.

— Папа, — сказал Матвей, глядя на Аверина снизу вверх.

— Нет, котенок, это не папа, это Клим. Папа уехал, — она обняла малыша и услышала за спиной потрясенное:

— Откуда здесь дети, Катя? Они твои?

Катерина повернулась, и как Матвей, глядя снизу вверх, ответила с некоторым вызовом:

— Мои. А что тебя так удивляет, я не похожа на женщину, у которой могут быть дети?

Аверин действительно выглядел потрясенным. Он переводил взгляд то на Матвея, то на Ваню, то обратно на Матвея. Катя отправила детвору в ванную, а сама устало пояс-

нила:

– Это дети моей сестры. Она погибла сразу после того, как мы с тобой познакомились, и теперь они мои. Я собираюсь в ближайшее время их усыновить, и скорее всего, меня уволят, как Зимину. А если ты донесешь на меня, то это произойдет намного быстрее...

Клим схватил ее в охапку и приподнял над полом, его глаза сверкали как настоящие молнии.

– За кого ты меня принимаешь? – зашипел он, выдыхая. – Почему я должен на тебя доносить? И почему тебя уволят?

– Поставь меня на место, Клим, ты напугаешь детей, – спокойно попросила Катя. – А уволят сам знаешь почему. То, что наш генеральный чайлдфри, не новость ни для кого. Мать-одиночка с двумя полуторогодовалыми детьми никак не вписывается в новую политику компании. Я сейчас умою детей. Можешь сам разогреть ужин, можешь подождать, пока я их уложу.

И ушла в ванную. Она слышала, как Клим хозяйничает на кухне, но вмешиваться не стала. Только, когда уложила малышку в детской, заглянула и ахнула.

Стол был накрыт, ужин сервирован насколько можно празднично. Катя даже посочувствовала Аверину – всегда неприятно, когда мечты разбиваются о жестокую реальность.

Клим стоял у окна, сунув руки в карманы, и напряженно думал. По крайней мере, несколько вертикальных складок на лбу красноречиво об этом свидетельствовали.

– Ты меня не жди, ужинай, – сказала Катя, – у меня еще обязательная программа по пению.

– Это ребенок тогда тебе звонил? – спросил Клим. Она не ответила и направилась в детскую.

В этот раз малышам как нарочно не спалось. Катя перебрала весь репертуар, а они все ворочались и пыхтели. Наконец, с обеих сторон послышалось тихое сопение, Катя осторожно поднялась с пола и с облегчением прикрыла дверь.

Клима в кухне не было, он нашелся в гостиной. Одну руку по-прежнему держал в кармане, а в другой у него была фотография Аллы и Ильи, которая обычно стояла у Кати на полочке.

– Кто эта девушка, Катя? Это твоя сестра? Это ее дети?

Она кивнула и села в кресло. Поняла, что дико устала, хотелось спать, а спать сегодня вообще не светит... Но из полудремы выдернул требовательный голос Аверина.

– Катя, расскажи, как они погибли.

Пришлось открыть глаза и заставить себя выпрямиться.

Она сама не ожидала, что сумеет говорить об аварии так просто. Может, оттого что ей уже давно пора было на кого-то это выплеснуть. А может, оттого что сработал эффект попутчика – Аверин посторонний человек, не знавший ни Аллу, ни Илью.

Поэтому можно было говорить о них немного отстраненно, как будто ей больше не болит и не выворачивает душу...

– У Ильи был день рождения, ему исполнилось двадцать

пять, как Алке, они одноклассники. Они только поженились, решили отметить его день рождения вдвоем. Ваню с Матвеем оставили на нас с мамой и уехали кататься. Илья не пил... В некоторых СМИ передавали, что он был выпивший, но нет, это неправда, – Катя говорила монотонно, ей казалось, ее голос звучит откуда-то со стороны. – Они ехали по мосту, на встречу вылетел Фольксваген. Водитель не справился с управлением, Мицубиси слетел с моста и упал в воду. Об этом тогда говорили во всех новостях...

...В октябре вода была уже довольно прохладной. Катя тогда сидела на полу и боялась уснуть, потому что стоило закрыть глаза, как она оказывалась зажата в тесной кабине автомобиля.

Уши и нос заливало холодной речной водой, она судорожно хватала воздух. Но в легких тоже была вода, и она медленно задыхалась. Пальцы беспомощно скользили по стеклу, но дверь заклинило, и оставалось только ждать, когда вода полностью заполнит легкие...

Никому, никому Катя не могла признаться, что, сидя на полу в темной комнате, всю ночь молилась, чтобы Алла с Ильей летели в воду мертвыми. А когда наутро дозвонилась к судмедэксперту и услышала «Смерть наступила в результате удара...», захлебывалась от счастья и размазывала слезы по щекам.

Как такое можно кому-то рассказать, чтобы тебя не признали невменяемой? А Клим, оказалось, можно...

Катя, обхватив себя руками, отчаянно боролась с желанием упасть на пол и свернуться зародышем. Ей казалось, там безопаснее, она и у детей сидела на полу между двумя кроватками, когда пела песни или читала книжки.

Но ее уверенно удержали сильные руки и осторожно усадили на диван. Она уткнулась в плечо Клима, а он гладил ее по голове, как маленькую, и шептал:

– Моя хорошая, моя сильная девочка, не плачь, успокойся, я здесь, с тобой.

– Я оформила опекунство, – продолжила она, пряча лицо на его груди, – у меня преимущественное право на усыновление. Маму с похорон увезли в больницу с инсультом, она только-только начала выкарабкиваться, ей детей не отдадут по состоянию здоровья. А я смогу их усыновить, как только пройду специальные курсы.

«Только не говори это, пожалуйста! Если ты сейчас спросишь, почему я не хочу остаться опекуном и зачем мне их усыновлять, что я буду делать?..»

– Ты сказала, они недавно поженились? – рука, обнимавшая ее, напряглась. – Как же тогда...

– Илья не был их отцом. Он еще со школы был влюблен в Алку, но она вышла за него замуж перед самой аварией. Он не успел записать мальчиков на себя, – Катя отстранилась от Клима и вытерла глаза. – Я говорила, что у меня с этими чайлдфри личные счеты? Моя сестра встречалась с таким. Богатый самовлюбленный мерзавец! Это его дети.

– Он бросил твою сестру? – голос Клима звучал глухо, и у Кати сложилось впечатление, что он ей не верит.

Всмотрелась в глаза – черные как ночь глаза, ничего из них не поймешь. Смотрит пытливо, а что там, за тем лбом, неизвестно.

– Ты мне не веришь?

– Просто спрашиваю, Катя. Он бросил ее беременную?

– Нет. Не так, – она не стала возвращаться в объятия Клима, оперлась спиной о диван. – Он сразу предупредил, что у него отсутствует «родительский ген», как он это называл, и требовал, чтобы она предохранялась. Она, понимаешь, а не он? Алка пила таблетки, но ей иногда становилось плохо от них. Несколько раз она пропустила прием, забыла, она же живой человек, а не автомат. Она не обманывала Александра.

– Его звали Александр? И все? Ты больше ничего о нем не знаешь?

– Нет, не знаю. Он не горел желанием знакомиться с нами, со мной и мамой, а Алке было все равно, она влюбилась без памяти. Нам было видно, что это не всерьез, что он ничего не планирует, а она и слышать ничего не хотела. Конечно, ухаживал он красиво, но видел бы ты мою сестру вживую! Мы совсем не похожи, у нас отцы разные. Алла была очень красивой, такой хрупкой, воздушной, и глаза необыкновенные, фиалковые. Он и называл ее Фиалкой. Алка-Фиалка, Фиалочка...

Катя говорила, стиснув кулаки. Она ничего не могла с собой поделать, ее переполняла ненависть к этому человеку, как ни пытались ее образумить сестра, подруги и даже мама. Она упорно продолжала видеть в нем причину всех обрушившихся на нее несчастий.

Клим слушал молча и не перебивал, и Катя была ему безумно благодарна, что он дает ей возможность выговориться.

– Когда Алла забеременела, она сразу рассказала своему чайлдфришнику. Он обвинил ее в обмане и предложил сделать аборт, даже клинику подыскал подходящую и телефон доктора дал. Алла к своему доктору пошла, меня с собой взяла, ее на УЗИ отправили, а там двойня. Ей выписали направление на аборт, мы вышли, сели на скамейке в парке и разревелись обе. Часа два сидели. Я думала, мне ее уговаривать придется, но она сама сказала, что не станет детей убивать, тем более его. Она любила этого козла. Так и говорила: «Это же его дети, Катя, я не могу!» И мне деток жалко было, а вот его бы порешила, не задумываясь. Этот Александр потом все звонил, допытывался, но больше встречаться ей не предлагал. И Алка испугалась.

– Чего испугалась? – Клим смотрел в сторону, и Катя смотрела в сторону. Наверное, они были похожи на двух провинившихся школьников.

– Он очень крутой был, Клим. Наверняка связи всякие имелись. Он мог ее заставить...

– Что ж она встречалась с ним, если считала таким подонком? – Аверин резко поднялся и отошел к окну.

– Вот и мне непонятно, – с готовностью согласилась с ним Катя. – Я вообще не знаю, как его земля носит. В общем, Алка соврала, что сделала аборт, а он вроде даже напился и ей звонил, оправдывался. Она мне не очень охотно рассказывала, зная мою к нему любовь. На следующий день от Александра явился человек и передал ей тридцать тысяч долларов. Александр прислал сообщение, что это моральная компенсация на восстановление здоровья, чтобы она съездила куда-нибудь отдохнула. Я вошла в ее телефон и перезвонила ему, но номер уже был недействителен, Александр его сменил. А Алка была счастлива, что он оставил столько денег.

– Сколько? Тридцать тысяч на двоих детей? – в голосе зазвучал уже знакомый металл, и Катя пожала плечами.

– Ну он же не на детей оставлял, таких денег на отдых с головой. Это было ее решение, она бы и без денег малышей оставила. Алла купила эту квартиру, но пришлось влезть в кредит, мы сделали ремонт. Теперь квартира детей, я выплачиваю ипотеку, и, если останусь без работы, банк ее отберет.

– Я правильно понял, что она обманула мужика, сказала, что сделала аборт, а ты теперь его ненавидишь? – спросил Клим, подняв глаза на Катю, и ей они снова напомнили горящие угли.

– И мать так говорила, и подружки, и сестра доказывала, – вскинулась Катя.

– Что доказывала?

– Что он ничего ей не должен, она так решила. Знаешь, что она говорила, когда Ванька с Матвеем родились? Что это счастье, и она очень ему благодарна за детей. А еще она мечтала, что дети вырастут, они встретятся с Александром. Он увидит, какие у него выросли сыновья, и будет гордиться ими. Так и говорила: «Я знаю, он будет благодарен, что я так поступила, Катя, и простит мне мою ложь».

– А ты так не считаешь?

– Я? Отчего же, я тоже мечтаю, что мои дети вырастут красивыми и умными. Но вот если они когда-нибудь встретятся, то, надеюсь, мальчишки ему и руки не подадут. Какой с него отец?

– Я не думал, что ты можешь быть такой злой, Катя, – она не знала, это шутка или нет. Звучало, скорее, как нет.

– Мало того, я его ненавижу.

– Но ведь он честно предупредил твою сестру...

– Слушай, Клим, – она завелась уже по полной, – может, ты тоже из чайлдфри? Так я вот что скажу, завяжите на бантик свои хотелки, а не требуйте этого с женщин. Или встречайтесь с такими же. Он прекрасно видел, не мог не видеть, что та ему разве что в рот не заглядывает и со всем соглашается. Разве можно на нее все перекладывать?

– Но разве было бы лучше, чтобы они жили только ради детей? – спросил Клим.

– Жили бы, слышишь? Жили! Она была бы жива! – крик-

нула Катя, не сдерживаясь. – Не обязательно вместе, но он просто мог быть рядом. Ты бы видел, как ей тяжело было на последних месяцах, она подняться не могла, плакала. Живот огромный, она ведь такая худенькая, я ей помогала. Даже до туалета дойти было тяжело. А когда малыши в два месяца в реанимацию загребели с менингитом? – и уже тише добавила. – Хватило бы даже его присутствия. Я же видела, как она тоскует. Она долго Илью отталкивала, будто чувствовала что-то. И, если бы Александр ее не бросил, она была бы жива, и у детей была бы настоящая мать, а не... Я.

Она все-таки сказала это, выплеснула свои самые глубокие страхи, но Клим, кажется, этого не заметил. Он погрузился в раздумья, и Катя начала жалеть, что так неосмотрительно открылась практически незнакомому парню.

– А ты не думала, что должна найти его, Катя? – резко повернулся Аверин, и Катя поразилась, насколько его глаза теперь казались настоящей бездной. – Вам не приходило в голову обоим, что мужик имеет право знать, что у него есть дети? Целых двое! Ладно, сразу не сказали, но потом?

– Через мой труп, – отрезала она. Аверин молча разглядывал ее некоторое время, а потом потер ладонями лицо. – Ладно, давай работать, так точно до утра просидим.

* * *

Катя проснулась на диване, укрытая легким покрывалом,

и поняла, что замерзла. Вспомнила, как вчера сначала клевала носом, а потом без зазрения совести прислонилась к качественно прокачанному торсу Аверина. Наверное, он переложил ее на диван, а сам ушел. Интересно, куда? Отправилась на поиски и очень удивилась, увидев Клима, выходящего из детской комнаты.

Глава 8

– Клим? – Катерина удивленно моргнула спросонок. – Что ты там делал?

– Спал. Единственное спальное место, которое я нашел, оказалось в детской. На кресле все же лучше, чем на полу, – ответил тот, сделав недовольное лицо. И тут ее как молний пронзило.

Она проспала ночной подъем на горшок, она ведь приучала мальчишек ночью просыпаться!

Наверное, вся бурная гамма чувств отразилась на ее лице, потому что Клим с тревогой переспросил:

– Что-то случилось?

– Я проспала, – дернулась Катя в сторону детской, но Аверин мягко удержал ее за руку.

– Все в порядке с твоими детьми. Они полночи по очереди ходили то на горшок, то воду пить, недавно утомонились. Пусть спят. И ты поспи.

– Что значит ходили? Они сами еще не могут, им нужно помогать.

– Вот я и помог. На горшки посадил, горшки вынес, воду принес. И даже рассказал стих, вспомнил на адреналине. «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу».

– Агния Барто. Мальчики ее очень любят, – подтвердила ошеломленная Катя.

– Я заметил. Все время просили повторить. Прочел раз восемь, думаю, это от скудности репертуара, надо бы подучить...

– Погоди, Клим, – она никак не могла взять в толк, – как ты понял, что они хотят?

– Я же не совсем безнадежный, Катенька. Вот этот, который слева спит, я не запомнил сразу кто где, Ваня, кажется...

– Матвей, – потрясенно поправила Катя, – он более решительный. Ванечка у нас слишком стеснительный и нежный.

– Значит, Матвей. Он проснулся, достал горшок и стащил меня с кресла. Я решил было, что это предназначено для меня. Признаться, был момент, даже запаниковал, но он объяснил мне, что от меня требуется, и дальше пошло как по маслу. Я разбудил второго, там вообще проблем не было. Потом парни попросили пить, потом я помог им уснуть.

Катя в изумлении разглядывала Аверина. Выглядел тот неважно, покрасневшие уголки глаз и красные пятна на скулах говорили, что их хозяин не спал всю ночь либо вперившись в ноутбук, либо выпив немало алкоголя.

Последнее исключалось, так что по всему выходило, что она уснула, а Климу пришлось в одиночку сидеть над ноутбуком.

Потом он, видимо, отыскал единственное свободное спальное место в доме – кресло-кровать в детской, Катя первое время спала там с малышами. Но проснулся Матвей, и начался квест «Догадайся, что от тебя хочет незнакомый по-

луторагодовалый ребенок».

Впрочем, несмотря на довольно скудный лексикон, – всего-то десять-пятнадцать слов, – Матвей проговаривал их старательно и относительно внятно. Клим повезло, что это был Матвейчик. Если бы его в курс дела вводил Иван, не миновать Аверину ночного бдения на горшке.

Она с трудом подавила рвущийся наружу смех и покаянно прижала руки к груди.

– Прости, я нечаянно уснула. Давай я сейчас поработаю?

– Я все закончил сам, Катя. Хорошо, что ты уснула, все же это моя работа, – Клим потер глаза, и те стали еще краснее, а потом он спросил уже тише: – А это у тебя каждую ночь так? Они тебе тоже не дают спать по полночи?

– Почему полночи? – удивилась Катя. – Конечно, по-разному бывает, но я стараюсь сама их быстро поднять, пока они не совсем проснулись. Дальше они как зомби, брык обратно и спать. Ты, видимо, вдохновил их на подвиги. А вот когда мальчики болеют, это настоящий трэш...

– И ты потом идешь на работу?

– Конечно, Клим, если я не буду работать, мне не отдадут детей и отберут квартиру. Я ведь уже объясняла.

– Но это невозможно, Катя! Ты же не Терминатор! Я вот еле на ногах держусь!

– Перестань, они уже взрослые. Поначалу было действительно тяжело с непривычки. Я никого в офисе не посвящала в свои проблемы, только Чистяков знал, но и он не сделает

за меня мою работу. Теперь привыкла, я хорошо высыпаюсь. Это у Зиминной полная задница, когда у Тимки приступ. И то она старается на удаленке день-два побыть, не больше.

Клим слушал ее, наморщив лоб, а затем объявил безапелляционным тоном:

– Я отправил отчет Чистякову, он дал нам на сегодня отгул, так что ложись досыпать. Я тоже поеду отсыпаться. Сегодня прогуливаем работу абсолютно официально.

«И... что? И... ничего?»

Катя сама понимала, как это глупо выглядит, но то, что Клим собирался уехать, почему-то задело.

– Может, позавтракаешь? Или хотя бы кофе выпьешь... – вырвалось само собой. Аверин помолчал, а затем неожиданно обнял за плечи:

– Спасибо, Катенька, но не нужно. Я хочу, чтобы ты отдохнула, а то они скоро проснутся...

«Они» – это дети. Похоже, Клим действительно остался под впечатлением от ночи, проведенной в обществе ее малышей. Снова стало смешно, пришлось опустить голову, чтобы он ничего не заметил.

– Постой, – остановила Катя Аверина, когда тот уже обувался. Вернулась в комнату, достала с самой дальней полки шкафа свернутые валиком носки, те самые Balenciaga, в которых убегала от него полгода назад, и протянула Климу. – Возьми.

Аверин скользнул недоумённым взглядом сначала по Ка-

те, потом по носкам, и покачал головой.

– Это не мое.

– А мне что с ними делать? Самой, что ли, носить? Если бы их можно было отконвертировать, я бы могла на эти деньги месяц кормить детей. Ты не знаешь, где меняют носки на деньги?

– Сто евро на месяц? Дети так плохо питаются? – не понял Клим.

– Почему плохо? Это не плохо, Аверин, это шикарно. Плохо – это когда только пособие на детей, сами дети в реанимации, а вся помощь – младшая сестра. И не сто, а сто десять евро. Это сумасшедшие деньги, Клим, так что бери и носи, – и она всунула носки в карман его джинсовой куртки.

* * *

Отгул пришелся на среду. Наверное, Аверин обладал особой усыпляющей магией, потому что малыши проспали почти до девяти утра, и Кате даже пришлось их будить.

Она отлично выспалась, целый день провела в приподнятом настроении и только к обеду сообразила, что вообще произошло.

А произошло то, что Клим повел себя совершенно не так, как его предшественники. Не лез с советами, не сокрушался по поводу Катиного беспросветного будущего и загубленной личной жизни. Это ровным счетом ничего не значило и в

тоже время значило довольно много.

Она поймала себя на мысли, что ждет звонка, ну может, просто сообщения. «Как дела», к примеру. Или хотя бы «Привет». Но телефон молчал, и хорошее настроение к вечеру понемногу стало сходиться на нет.

Утром на работу Катерина заявила, вновь напаялив на себя глухую непробиваемую броню. Не хватало еще начать страдать по Аверину!

Он явился к двенадцати, идеальный и вылизанный, как всегда, и почему-то в костюме. Даже выдержанная Надька матернулась, восхищенно уставившись на Клима. Определенно, он и в своих достаточно демократичных брендах вполне тянул на первую десятку «Форбса».

– Ну, Аверин, ты ваще, – восхищенно протянула Надежда.

Клим самодовольно ухмыльнулся и, кивнув Кате, прошел в свой угол.

– Все, Климентий, хана тебе, – глядя поверх экрана, режюмировала Аня. – Сейчас со всех этажей бабы сбегутся на тебя поглазеть.

Катя сделала вид, что это не она мысленно упала в обморок и продолжила работу. Открылась дверь, в проеме показалась стриженная под каре голова Зиминой. Углядев Аверина, Наталья спросила:

– Что, купил?

Тот утвердительно кивнул.

– Так выходи, чего сидишь? Катюх, идем с нами!

Аверин поднялся и направился к выходу, но возле Катиной «стекляшки» притормозил, мотнув головой в сторону двери.

В другое время она бы гордо проигнорировала столь повелительное приглашение. Но сейчас было жутко любопытно, что там за общие интересы появились у этих двоих, и Катя заторопилась следом.

– Давай, – скомандовала Наташка, как только они вошли в курилку. Аверин достал из кармана сигареты, но стоило той потянуться за пачкой, отвел руку в сторону.

– Только с условием, не больше сигареты за раз. Надо бросать, Наташа!

– Я так не смогу, Клим!

– Сможешь. Я же бросил!

– Ладно, – сдалась Наташка, и Клим помог ей подкурить.

– Ты ходил за сигаретами? – изумилась Катя.

– А что, разве я безногий? Или мне на вид меньше восемнадцати? – в свою очередь удивился Аверин, и Катя не нашлась, что ответить. В самом деле, почему нет?

– Короче, люди, меня с утра в отдел кадров вызывали, – начала рассказывать Зими́на. – Я не знаю, чем это объяснить, но меня попросили забрать заявление и подняли оклад. Сказали написать заявление на материальную помощь для обследования Тимофея в Германии. И на путевку в санаторий тоже... – внезапно она закрыла лицо руками, и по судорожному вздрагиванию плеч стало ясно, что она плачет.

– Так чего ты реवेशь, Натали? – осторожно прикоснулся к ее плечу Аверин. – Это же шикарная новость!

Катя опомнилась и обняла Наташу.

– Дурочка, не плачь, Клим правильно говорит, здесь радоваться надо! И коньяк Чистякову купить.

– Чистяков ни при чем, – шмыгнула та носом, отстраняясь от Кати. Клим услужливо подкурил потухшую сигарету, – он сам в шоке. Говорит, написал докладную и передал генеральному, но сколько он всего такого писал! Это все Добби.

– Кто? – переглянулись Катя с Климом.

– Добби. Новый генеральный. Его так Антоха назвал, а я тогда подхватила.

– Почему Добби? – удивленно поднял брови Клим.

– Потому что «Добби свободен», – пояснила Наташка. – Он же всех увольнял без разбору, человек пятнадцать заявления написали. Сейчас, говорят, дал команду «стоп» и изучает личное дело каждого.

– Все равно Чистяков молодец, – не согласилась Катя, – за наших горой встал! Так что я бы на твоём месте не пожлобилась на коньяк.

– Не пожлоблюсь, конечно. Ладно, пошли по местам.

– Добби, – хмыкнул под нос Клим, выходя из курилки за девушками, – ну и балабол этот ваш Антоха!

Он догнал Катю у двери в отдел и придержал за локоть.

– На выходные планы есть?

У нее сердце прыгнуло вверх, потом свалилось вниз, а по-

том и вовсе исчезло. Неимоверным усилием воли она приняла невозмутимый вид и пожала плечами. И сердце дало знать о себе, вновь застучав на своем месте.

– Наверное, поедem с детьми покупать летнюю одежду и обувь, они уже взрослые совсем! – Катя непроизвольно улыбнулась. И едва не села на пол оттого, что уголки губ Клима тоже дернулись в улыбке.

– И у меня нет летней одежды. Можно с вами? – Аверин, не дожидаясь ответа, положил ей руку на талию.

Катя поспешно кивнула, протискиваясь между ним и дверью, потому что отказать ему не смогла бы под страхом смертной казни.

На следующий день весь офис гудел ульем, обсуждая ошеломительную новость: за несоответствие занимаемой должности был уволен второй зам исполнительного директора Борис Осадчий, а Ленка Бородинская из финансового отдела написала заявление по собственному желанию.

Глава 9

Катя допивала кофе, когда раздался звонок домофона.

– Курьерская доставка, – сообщила трубка голосом Аверина, и через минуту он возник на пороге собственной персоной, втаскивая за собой две яркие объемные коробки.

– Привет! – Клим улыбался так радостно, будто с утра уже успел выиграть миллион. – А где все?

Из детской в коридор выбежали Матвей с Ваней и затормозили, с двух сторон уцепившись за Катю.

– О, здорово, пацаны! Идите сюда, – Клим присел на корточки, но малыши подходить не торопились, опасливо выглядывали из-за Кати.

– Они тебя не узнали, – попыталась она оправдать детвору.

– Как это не узнали? Я что, напрасно полночи им стихи читал? Эй, мелюзга, ну-ка признавайтесь, кто из вас Матвей, а кто Иван? Разбирайте подарки!

Клим поставил коробки на пол. Он говорил бодрым и веселым голосом, но почему-то Катя не могла отделаться от чувства, что тот старательно скрывает за показушным налетом неловкость и напряжение.

В коробках с логотипом известного производителя детских игрушек красовались одинаковые пожарные машины, и Катя присвистнула бы, если бы умела свистеть. Она видела

эти машины, когда выбирала детям подарки на год. Их стоимость равнялась стоимости велосипедов, которые Катя тогда купила в кредит и вот только недавно выплатила.

– Клим, зачем такие подарки, они же дорогие! – прижала она ладони к щекам.

– Разве? – удивился Клим. – Не знаю, мне приятель деньги должен, я у него в счет долга игрушки забрал, а на цену не посмотрел. Он владелец сети магазинов, там есть детские отделы.

Катя недоверчиво покачала головой, а потом слегка подтолкнула малышей, с тайным восторгом рассматривающих коробки.

– Скажите Климу «спасибо» и берите машинки.

Матвея не нужно было долго уговаривать, он по-своему озвучил благодарность и потащил коробку в детскую. Ваня подошел к Климу и вдруг неожиданно прильнул к нему, обхватив шею.

Катя уж было дернулась, чтобы отвлечь ребенка, и остановилась в нерешительности, увидев, как вздрогнул Аверин. А затем неумело обнял мальчика за плечи, почему-то закрыв при этом глаза.

– Ну что ты, Ванька, так меня засмущал, – проговорил он севшим голосом, и Катя обалдела от вида по-настоящему смущенного Аверина. – Пойдем лучше подарок откроем!

Он узнал Ваню? Чудеса! В это время Иван, поддавшись на уговоры, схватил одной рукой коробку. Второй он держался

за ногу Клима.

– Я могу рассчитывать на кофе? – спросил тот на ходу, принаравливаясь к шагу ребенка.

– Конечно, – растерялась Катя. Теперь было неудобно выставить Аверина, но и откладывать поход в торговый центр не хотелось.

Откладывать ничего не пришлось. Когда она заглянула в детскую, мужчины сидели на полу и увлеченно разбирались с управлением подаренной техникой. Точнее, разбирался Клим, а дети заглядывали ему через плечо.

– Здесь совсем мало места, – Клим посмотрел на нее так, будто в детской негде было развернуться исключительно из-за Кати.

Но в его словах была правда. Две детские кроватки, из которой мальчики вот-вот вырастут, занимали много места.

– Никак не соберусь купить им двухъярусную кровать, – прозвучало так, будто она оправдывалась. – Может, в следующем месяце. А сейчас в первую очередь нужно их одеть.

– Выпью кофе и поедем, – сказал Клим, поднимаясь с пола.

Но стоило им переместиться в кухню, туда сразу же приехали с сиреной и мигалками обе пожарные машины.

– Зато так ты меня гарантированно будешь вспоминать, – заявил Аверин, когда Катя поинтересовалась, нарочно ли он выбрал такие шумные подарки. – Каждый раз, как они начнут играть пожарками.

Он пил кофе, сидя за столом в ее кухне, а Кате казалось, будто она смотрит сериал, снятый с ней в главной роли, первая серия которого вышла примерно полгода назад.

– Ты куда собралась за покупками? – спросил Клим, отставляя чашку.

– В «Каскад-плазу», я обычно там нахожу все, что нужно.

– Не будешь возражать, если я попрошу приятеля одолжить нам машину? Очень неудобно будет на такси.

И пока Катя громко возражала, уже переговаривался по телефону:

– Ярик, мне машина нужна, подгонишь? Не знаю адрес, по локации посмотри, так быстрее будет.

Выйдя из подъезда, Катя принялась высматривать того самого Ярика с машиной, но тут из-за угла вырулил внедорожник, и Катя, кажется, даже рот открыла от восхищения.

Он был похож больше на космический летающий объект, чем на автомобиль. Впрочем, рассмотрев значок на передней панели, она ничуть не удивилась.

«Ламборгини» по стоимости ненамного отличался от летающего космического объекта, но настоящий шок Катя испытала, увидев, что Аверин направляется к этому самому внедорожнику.

Из-за руля выскочил шуплый невысокий паренек. Они поздоровались с Климом, а затем парень распахнул заднюю дверцу автомобиля и пригластительным жестом указал на нее Кате. Она, крепко сжимая руки мальчишек, подошла к ма-

шине и остановилась в нерешительности.

– Это Ярослав, это Екатерина. Садись, Катя, я подам мелких, – нетерпеливо проговорил Аверин, и она скорее по инерции села на заднее сиденье.

Клим передал ей детей, а сам уселся на место водителя.

– Спасибо, Яр, я лично ее верну, – Аверин вел себя так, будто он сидел за рулем не «Ламборгини», а какого-то бюджетного авто.

– Клим, откуда эта машина? – спросила она, когда к ней вернулась способность говорить.

– Ты что, не видела? Ярик подогнал, – Клим рулил уверенно и расслабленно. – Я оказал ему кое-какие услуги.

– Аверин, этот Ярослав похож на хозяина «Ламборгини» как ты на космонавта!

– Так он и не хозяин. Он водитель. Мы вместе когда-то водителями работали у одного крутого чела. Вот и помог теперь по старой дружбе.

– Но зачем? Зачем тебе «Ламборгини»?

– А что, я не могу пустить пыль в глаза понравившейся девушке? Я, вообще-то, ухаживаю за тобой, Катя, а тебя интересуют такие мелочи! – он бросил смеющийся взгляд в зеркало заднего вида, и Катя не нашлась, что ответить, лишь крепче прижала к себе малышей.

Всю дорогу до торгового центра, посматривая через зеркало на самоуверенного Аверина, Катя терялась в догадках, лихорадочно размышляла и придумывала обличающие монологи. Их набрался уже с добрый десяток, когда, припарковавшись, Клим достал из салона малышку, а потом помог выйти Кате.

Но стоило оказаться с ним лицом к лицу, все заготовки разом вылетели из головы, и она выдала, не особо сдерживаясь:

– Зачем ты все время врешь, Клим? Дом, игрушки, «Ламборгини»... Не слишком ли много у тебя друзей и не слишком ли они щедрые? – говорить о своих подозрениях о его связи с новым руководством она не рискнула.

Аверин выпрямился, смерил Катерину оценивающим взглядом и после секундного замешательства ответил:

– Ты хочешь сказать, что я выдаю за чужое то, что принадлежит мне? Но ведь я предупредил, что собираюсь за тобой ухаживать, так где логика? Мне кажется, в таком случае правильнее было бы показать себя упакованным мажором, – в его глазах было столько неподдельного изумления, что Катя засомневалась. Тем временем Клим, не дожидаясь ответа, продолжил, понизив голос: – В одном ты права, мои друзья не настолько щедры. Это плата за услуги, Катенька. Я ре-

шаю их проблемы, они отвечают мне благодарностью, ничего сверхъестественного. Касательно «Ламборгини», мне жаль, что я не могу показать тебе свою трудовую книжку. Убежден, последнее место работы тебя бы впечатлило.

— К чему тогда говорить, если я никак не узнаю? — буркнула Катя, пытаясь обойти Аверина, но тот поймал ее за руки.

— «Мегаполис Инвест», — прошептал почти на ухо, — личный водитель генерального директора Асмоловского. Буду признателен, если ты не станешь это мусолить в нашем небольшом и дружном коллективе.

Асмоловский Олег Павлович, прежний владелец «Мегаполис Инвеста», который продал компанию. И это у него Аверин работал личным водителем? Аверин, рядом с которым Асмоловский тянул максимум на простецкого мужлана, торгующего овощами на городском рынке? Здесь было над чем поразмыслить.

Предположим, Клим говорит правду. Если оказываемые им услуги хоть в половину такие, как его наркорейд в «Саламандре», то и оплата должна быть соответствующая.

А раз так, все остальное вполне логично. В конце концов, это его жизнь, не имеющая к ней ровным счетом никакого отношения...

Клим выпустил ее руки и зашагал за Ваней и Матвеем. Те бодро семенили по направлению к главному входу «Каскад-плазы», и Кате ничего не оставалось, кроме как следовать за ними.

В детском магазине она несколько растерялась. До недавнего времени запаса одежды хватало, и особенных закупок делать не требовалось. Конечно, мальчики быстро росли, и рассчитывать сейчас следовало максимум на один сезон, но и совсем дешевые вещи Кате покупать не хотелось.

Она выбрала демократичный европейский бренд. Одежда была приличного качества, хоть и несколько дороговатой. Клим перебирал вешалки, поглядывал на ценники и без конца хмурил лоб.

– У тебя достаточно денег? – спросил он, подойдя ближе. – Я взял карту, там хороший кредитный лимит...

– Спасибо, не нужно, я только получила пособие на детей. Я ведь опекун, мне пока что государство платит, я потом отчитаться должна. А вот что и сколько надо... Клим, – она посмотрела чуть ли не умоляюще, – ты себя совсем не помнишь в таком возрасте? Сколько одежды нужно маленьким мальчикам?

– Ну ты даешь, Катенька, конечно, не помню! – закатил он глаза, но, увидев ее расстроенное лицо, тут же поправился. – Зато я успел поработать в отделе снабжения одной небольшой структуры. Так что предлагаю положиться на интуицию и попытаться решить проблему совместными усилиями, – и улыбнулся одной из своих самых обезоруживающих улыбок, от которой Кате сразу стало легче.

Советчик из Аверина вышел отменный. Логическим методом они отобрали по одному спортивному костюму, по па-

ре джинсов, по две пары пижам. Футболок, маек и шортиков по наущению Клим Катя набрала целый ворох.

Все верно, мальчишки и так не пропускали ни одной лужи, а ведь лето еще даже не началось. Пускай будет больше.

– Мне иногда приходится менять футболки трижды на день, а мне далеко не полтора года, – утверждал Клим, и Катя ему верила. Он всегда выглядел, будто только вышел из салона.

Она рассчитывала, что уложится в меньшую сумму, но Клим так навязчиво предлагал свою карту для оплаты, что Катя поостереглась произносить это вслух.

Аверин понес пакеты в машину, а они осталась ждать его у развлекательной зоны с лабиринтом горок и бассейнов с шариками. Малыши смотрели как замороженные, повиснув на сетке и напомнив Кате двух маленьких обезьянок.

Подошла молодая пара с девочкой чуть старше Матвея с Ваней, о чем-то попереговаривались с сотрудницей игровой зоны, и молодой отец принялся расшнуровывать кеды. Его маленькая дочка нетерпеливо прыгала рядом.

Затем они оба нырнули в проем, ведущий в лабиринт, и уже через минуту съезжали с горки в бассейн, наполненный разноцветными шариками. Девочка визжала от радости и прыгала, подбрасывая шарики, и тут Катю потянули за подол платья.

– Катя! – Матвей показывал пальчиком на лабиринт и продолжал тянуть подол.

– Зайчонок, я не могу пойти туда с тобой. Одних вас не пустят, вы с Ванечкой совсем маленькие, – она присела перед малышом, а тот уже начинал кривить мордаху. Но для спуска с горок Катя была одета совершенно неподходяще.

– Чего ревом? – раздалось над ухом.

Молодец, Аверин, мгновенно оценил обстановку! И сама не зная почему, Катя почувствовала облегчение.

– Клим! – радостно пискнул Матвей, обернувшись, и потянул его за штанину к входу в лабиринт. Клим, разведя руки в стороны, удивленно смотрел на мальчика.

– В чем дело, мелочь, куда ты меня тащишь?

Тут подошел Ванечка, взял Аверина за руку и засопел, а Катя, спрятав улыбку, объяснила:

– Они хотят с горки покататься. Таких маленьких одних не пускают, нужно со взрослыми. Я совершенно об этом не подумала, когда надевала платье.

– Красивое платье, – Аверин растерянно посмотрел на прилепившихся к нему детей, затем добавил беспомощным полусшепотом: – Они же меня утопят в этих шариках, Катя! Или я сам шею сверну...

В это время парочка отец-дочь вновь с визгом съехала с горки, и теперь неясно было, кто получает больше удовольствия: девочка или ее молоденький, смахивающий на мальчишку отец.

Вдруг Ваня отпустил руку Клима, обхватил его ногу и посмотрел вверх с выражением такой обреченности, что Аве-

рин с Катей не выдержали и, не сговариваясь, приснули.

— Ну, Ванька, манипулятор мелкий, добился своего? — положил Клим ладонь на светлую макушку малыша. — Идем над Климом издеваться!

Катя смеялась и снимала на телефон, наблюдая за сходящей с ума троицей. Дети забрасывали Аверина шариками, а он вначале прикидывался спящим, затем резко «просыпался» и хватал мальчишек за ноги. Те пищали и прятались в шариках.

Они так расшумелись, что все проходящие мимо оглядывались, неизменно улыбаясь и окидывая Катю оценивающими взглядами. До нее с опозданием дошло, что их принимают за семью, и настроение тут же упало на несколько десятков градусов. Она очень постаралась, чтобы выбирающийся из лабиринта и несущий в каждой руке по ее сыну Клим ничего не заметил.

— Предлагаю пообедать, — помятый и взлохмаченный Аверин нравился ей еще больше.

Пришлось спрятаться за детьми, поправляя им штанишки и зашнуровывая болтающиеся шнурки, чтобы Клим ничего не заподозрил.

Они засели в одной из кафешек на фудкорте. Катя понятия не имела, как он это делает, но Аверин снова выглядел так, будто он только со съемок рекламного буклета шикарного курорта для очень небедных людей. А всего-то поправил одежду, умылся и пригладил волосы.

– Клим! – по проходу шла потрясающей красоты девушка с нереально длинными ногами.

Ее ухоженные волосы струились по плечам до самой талии, а лицо было настолько совершенным, что Катя вмиг почувствовала себя замарашкой.

Аверин как раз втолковывал Матвею, что салфеткой вовсе не обязательно вытирать всех сидящих вокруг. Ладно брат, но сам Клим вполне справляется. Увидев девушку, он напрыгся, бросил на Катю обеспокоенный взгляд, и ей почудилось, что в черных глазах, помимо беспокойства, плеснулось что-то похожее на панику. Или страх.

– Здравствуй, Лиза, – Клим сел ровно, уперевшись руками в поверхность стола, словно он не в кафе сидит, а в директорском кабинете.

– Может, поздороваемся? – та подошла совсем близко, делая вид, что в упор не замечает ни Катю, ни детей.

– Прости, Лиза, но, если ты не заметила, я не один, – Катя явно видела, что под маской спокойствия Аверин сдерживает раздражение.

– Разве ты бываешь один, Клим? – проворковала Лиза, удосужившись, наконец, обратить внимание на притихших малышей. – Хотя да, с детьми я тебя не видела. Ты еще скажи, что это твои!

– Мои, – спокойно ответил Аверин.

У Кати разжались пальцы, и вилка со звоном упала на пол.

Глава 10

– Что, правда твои? – девица смотрела на Аверина круглыми от удивления глазами, и Катя ее очень хорошо понимала.

Клим сидел и не шевелился, но стоило Кате дернуться, чтобы поднять вилку, накрыл ее ладонь и сжал, выразительно глядя на ошалевшую Лизу. А затем перевел взгляд на Катю, и этот взгляд был таким непривычно теплым, что она от неожиданности снова дернулась.

– Не торопись, милая, сейчас официант принесет чистые приборы.

Официант и впрямь не замедлил явиться. Ваня потянулся к корзинке с хлебом, Матвей вытряхнул на стол все салфетки, но Кате вновь не дали вмешаться.

– Ты нервируешь детей, Лиза, будь добра, испарись! – Клим выдал Ване хлеб, собрал салфетки, рассыпанные Матвеем, вскинул голову и притворно удивился: – Что-то не ясно?

– Все ясно, – девица вздохнула с облегчением и тряхнула головой, отчего ее волосы вновь красиво заструились по плечам, – нашел себе приключение с прицепом! Что ж ты ее в эту дыру привел, решил сильно не тратиться? А ты, смотрю, развесила уши, милая, надеешься пристроить ему своих деток? Интересно, что он тебе пообещал. Кстати, ты не за-

был просветить ее по поводу своей персоны? Хочешь, я ей расскажу, кто у нас Кли...

– Заткнись, Лиза, заткнись и уходи. Это тебя не касается.

Катя со страхом смотрела на изменившегося Аверина. Она не подозревала, что он может быть таким – жестким, каменным, не то, что холодным, а прямо ледяным.

Лиза хотела ответить, но тут Ваньке надоело, что на него никто не обращает внимания, а все смотрят на чужую тетку, и он громко заревел. Аверин наклонился к нему, тот отпихнул Клима и потянулся к Кате.

– Мама...

Отчего Аверин пришел в бешенство, Катя так и не поняла. Но он привстал и заговорил с такой сталью в голосе, что ей стало нехорошо:

– Ты испугала ребенка! Убирайся вон, пока я тебя отсюда не вышвырнул.

Видимо, девица знала Аверина лучше, чем Катя, потому что вдруг побледнела и так резво выскочила из кафе, что тот даже дух не успел перевести. Лишь зубами скрипнул.

Ванька выл сиреной, хоть Катя и крепко его обнимала. Матвей подозрительно захлопал носом, видимо, обидевшись, что все внимание достается брату. Катя и его притянула к себе, хорошо зная, сколько по времени способны прореветь ее обиженные дети.

Клим смотрел на них, поджав губы, а затем заглянул Ване в зареванные глазки:

– Ванька, ты что, испугался?

Мальчик не ответил, спрятал лицо на груди у Кати. Она успокаивала обоих малышей, обнимая и покачивая, а Аверин, глядя на нее, мрачно хмурил брови.

– Ты их любишь, – вырвалось у него. Катя подняла удивленный взгляд, и выражение его чернящих глаз было совершенно непонятным.

– Конечно люблю, Клим! Это теперь мои сыновья. До тебя что, так долго доходит?

Он вдруг придвинулся совсем близко и сказал, как будто перед ним сидели взрослые парни:

– Ваня, Матвей, давайте договоримся: когда я с вами, вам не нужно ничего бояться. И никого. Никто не посмеет обидеть ни вас, ни вашу... маму.

Пауза была мучительной. Почему-то Кате показалось, что эти слова из него выдирали щипцами. Конечно, в первую очередь они предназначались ей, вряд ли малыши поняли так, как хотелось Климу.

Но спокойный голос и уверенный тон сыграли свою роль. Матвей перестал хныкать, а Ваня вынырнул из-под Катиной руки.

Когда принесли заказ, мальчики совсем успокоились, поглядывая на Клима блестящими темными глазами-бусинками, отчего еще больше походили на щенков. А Кате хотелось спросить Аверина, как им быть, когда его вдруг не окажется рядом.

Парни вполне сносно орудовали ложками, поэтому практически не запачкались. Клим выждал, пока те сползут с дивана и направятся к большой корзине с игрушками в углу зала, а потом вновь сжал ей руку:

– Прости за то, что Лиза испортила тебе настроение, но я не ожидал ее здесь встретить. Я теперь даже не знаю, есть ли в нашем городе места, где нет риска наткнуться на кого-то из своих знакомых.

– Скажи лучше, на своих любовниц!

– Бывших, – Клим вдруг расплылся в довольной улыбке. – Ты не представляешь, как меня прет от того, что ты ревнуешь!

Катя возмущенно отобрала руку и уставилась в тарелку. После обеда Клим уговорил ее на прогулку в парке. Мальчишки тут же атаковали батут и пропрыгали там часа полтора, он лишь диву давался, сколько у них энергии.

– Они когда-нибудь устают? – спросил Аверин, глядя на мерно подпрыгивающих, как две пружинки, малышей.

Катя ничего не ответила. Чем ближе становился вечер, тем острее ощущалось напряжение между ней и Климом. А когда тот улучил минуту, обнял ее со спины и прошептал на ухо: «Давай я позвоню твоей няне и попрошу ее переночевать у тебя? Она согласится на тройной оклад?», стало совсем паршиво. Дождавшись, пока дети отвлекутся, она повернулась к Аверину и ответила:

– Послушай, Клим, я тебе очень благодарна за такой чу-

десный день...

Он приложил ей к губам палец и продолжил:

– Лучшим его продолжением будет такая же ночь. Ну, Катя, хватит меня динамить! Разве я сегодня не заработал бонусы?

А она, дура, и правда решила, что словам Аверина можно доверять. Ничему жизнь не учит...

– Нет, Клим.

– Нет? – теперь его взгляд напоминал тот, которым он смотрел на Лизу. – И что опять не так?

– Чего я не знаю о тебе, Клим, и что должна знать? О чем хотела рассказать твоя любовница, пока ты не заткнул ей рот?

Аверин отпрянул, и на нее повеяло холодом. Горло сдавил спазм, как будто вокруг рухнули защитные стены, и она снова осталась совсем одна. Вот только когда эти стены успели вырасти?

– Тебе не нужно больше к нам приходить. Дети уже без ума от тебя, им привязаться ничего не стоит. Но что будет, когда тебе это наскучит, Клим? «И когда я надоем тебе, как Лиза». Мои дети не игрушки, Аверин. И я тоже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.